

Виксар

*Мечта
хранимая*

Цикл «Мечтатели»

Виксар
Мечта хранимая.
Цикл «Мечтатели»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26534883
ISBN 9785448569708*

Аннотация

Они прошли свой путь до конца – и смогли оживить свою мечту. Свой идеальный мир. Однако этого мало, ведь миром ещё нужно научиться управлять. И при этом – остаться мечтателем.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	62
Глава 3	81
Глава 4	111
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Мечта хранимая

Цикл «Мечтатели»

Виксар

*Посвящается всем несовершеннолетним,
верящим, что они способны на большее,
в качестве предостережения.*

Художник Элоис

© Виксар, 2019

ISBN 978-5-4485-6970-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Личность неотделима от прошлого. Память о сделанном и пережитом, пусть самая поверхностная, даёт сознанию чувство завершённости. И каким бы ни было его прошлое, счастливым или безрадостным, человек, если дать ему силы осуществить любую свою мечту, обязательно вспомнит о мечте хранимой.

Пролог

Вид с вершины Императорской башни по праву считался одной из лучших фантазий. Если встать на центральной улице, ведущей ко дворцу, вечером, когда жёлтый диск почти касается линии горного хребта, создаётся натуральное ощущение, будто на изящных колоннах располагается гигантский фонарь. Да и при обратном взгляде, сверху вниз, вид не хуже: закатные лучи, частично ограниченные опорами на башне, создавали световую полосу, точно соответствующую ширине улицы. А уж когда император украсил крыши домов самоцветами... Рим и здесь был самым величественным городом.

Нармиз и Альден находились в беседке на вершине. Нармиз достаточно часто выбирался из своего кабинета лишь под вечер, поэтому такие посиделки имели высокий статус традиции, со всеми вытекающими. Например, в моменты одиночества Альден никогда не пользовался определённым бокалом и даже определённым креслом, предпочитая сидеть прямо на полу, прислонившись спиной к какой-нибудь из колонн и, по настроению, свесив ногу с открытой площадки.

Сейчас, впрочем, в этом необходимости не было.

– Ну вот, – Альден поднял свой бокал повыше. Отблески заката отражались на зеркальной медной поверхности и скользили по узорам. – Очередной день, очередной пово-

рот безымянной планеты, кружащей вокруг безымянной же звезды...

– Кем ты там последний раз решил себя считать, философом или романтиком? – поинтересовался Нармиз, выныривая из собственных размышлений.

– Ни тем, ни другим, друг мой. Я – брэнное тело, поглощающее литры влаги и болтающее умные фразы, чтобы отвлечь окружающих от этого факта.

Оба усмехнулись.

– Правда, это была, скорее, философская тема... Ты не устал? От того, что всё идёт вот так?

Нармиз пожал плечами:

– Если «устал» в прямом смысле, то нет. А если в продолжение недавнего разговора... – Альден обозначил кивок, – я по-прежнему считаю, что у тебя заниженная планка. Последние годы выдались достаточно спокойными, но считать их золотым веком можно только сравнительно с тем бедлямом, который был ранее. Только.

– Золотым веком, как правило, называют период перед большой встряской. – Альден задумчиво повертел бокал в пальцах: – И даже я не хотел бы его наступления... О?

Ещё несколько секунд он вглядывался в отражение, подтверждая догадку, – и рассмеялся в голос. Справа послышался вздох Нармиза: тот обо всём догадался и тоже оценил нелепость ситуации. Правда, в его случае благодушная расслабленность традиционно уступила место не пробивно-

му энтузиазму, как у самого Альдена, а суровости и собранности.

Далеко за горами, примыкавшим ко дворцу с западной стороны, прорезая наступившие с уходом солнца сумерки, плясали молнии. Ярко-фиолетовые молнии, без малейших признаков туч на небе и грома.

– Я надеюсь, это не та самая большая встряска, – озвучил висевшую в воздухе мысль Нармиз, вставая и подходя к краю площадки.

– Будем надеяться вместе. Хм... Не могу припомнить фиолетовый.

Император на несколько секунд задумался, потом залпом допил свой бокал.

– Собираешься туда? – Нармиз поднял брови.

– Ага. Чего тянуть? – Альден махнул рукой, и они пошли к отверстию спуска с площадки. – А ты?

– Пожалуй, воздержусь. Это ты любишь врываться в гущу событий, а мне больше нравится смотреть на людей через месяц-два, в спокойной обстановке. Тем более, если попадётся кто-то нервный, морочиться с этим будешь ты. А я, в случае чего, подойду потом с передовыми отрядами...

– А если меня убьют? – наиграно возмутился Альден.

– Тогда моя правота будет доказана в полной мере, о чём я и объявлю на твоих похоронах.

– «Сократ мне друг, но истина дороже»?

– Нет, «строчки устава написаны кровью».

Шутливо переругиваясь, два правителя покинули башню и разошлись в разных направлениях – один пошёл в покои, а второй направился на крышу дворца.

В жизни безымянного мира под светом безымянной звезды начинался новый период.

Глава 1

Громкий хруст возвещал прохожим, что по улице иду я. Даже странно, снега нет, а по звуку – как будто стены ломаются. Что там хрустеть-то может? Хотя какой снег, в октябре...

Я прищурился: в лицо то и дело били порывы холодного ветра, заставлявшего слезиться глаза. А им слезиться никак нельзя, я и так на дорогу почти не смотрю, больше внутрь себя.

Глупый день. Встать в ужасную рань, привести внешний вид в такой порядок, чтобы казалось, будто ты рад просыпанию, дойти до школы, отсидеть там несколько часов, а затем найти силы вернуться домой нормально. Не в смысле, что не держась за стены и не ползком, а так, чтобы её работники не чувствовали себя обиженными за неуважение к их труду. Иначе на следующем уроке они могут того... не оценить твои труды.

Но во всём нужно видеть плюсы. Например, мне есть, куда пойти утром. Довольно спорный плюс, но он есть. Так есть, что никуда от него не денешься.

С этими мыслями я шёл домой со школьной сумкой за плечом. В сумке, помимо всего прочего, лежало сразу два дневника. Один – стандартный, на имя Михаила Азарина, ученика одиннадцатого класса средней общеобразователь-

ной школы в городе Москва. На обложке у него резвились сказочные звери на фоне волшебного пейзажа, а внутри была фотография три на четыре мальчика с короткими тёмными волосами и задумчивым лицом, несколько строчек биометрических данных и множество однотипных страниц, запланированных под школьное расписание. Второй дневник был гораздо более ценным. Замаскированный под одну из учебных тетрадей, он содержал личные записи обо всём подряд и, хотя и пополнялся абы когда, безо всякой схемы, выполнял важную функцию привязки моих мыслей ко времени и пространству. Очень, знаете ли, обидно, когда твои глубокие размышления в какой-то момент испаряются без следа, даже если их объективная ценность чуть более чем нулевая.

Раздумья пришлось оборвать – вовремя вспомнил, что ещё хотел зайти в магазин посмотреть диски с музыкой. Думы это такая хитрая вещь, которая может спасти тебя, заняв пару часов абсолютно свободного времени, а может поставить под риск получения родительской кары за то, что снова отвлекся и забыл что-то сделать.

Новых поступлений не оказалось. Жаль. Ну, будет время прослушать заново имеющуюся коллекцию. Оптимизм – это не так уж сложно. Наверное. Возможно... Кстати, я ещё об этом не думал... Всё, хватит думать, нужно ещё до дома добраться.

Как и каждый день, дом встретил меня одновременно пустотой и загромождённостью; эти взаимоисключающие ха-

рактические характеристики совершенно естественно переплетались в месте, где я жил. Больше об этом никто не знал, но, пожалуй, и к лучшему. Не уверен, что смог бы объяснить кому-то, что пустота может возникнуть только оттого, что квартира лишена отпечатка проживающих в ней людей, незримого к тому же. А загромождённость – оттого, что эту пустоту пытаются компенсировать покупкой дорогих, но бессмысленных вещей.

Вот, наконец, и родной диван. Бросив сумку под письменный стол, я переоделся из школьной формы в привычные джинсы и футболку и лёг.

Сколько себя помню, окружающий мир тяготил своим несовершенством, поэтому я любил мечтать о том, чего нет – не только в непосредственной близости и тем более не только материальном, а нет вовсе. О временах, которые ушли в небытие или никогда из него не появлялись, о мирах, где условия жизни кардинально отличаются... Музыка, компьютерные игры и книги были скорее насущной необходимостью, чем высококультурным видом досуга, – они помогали справляться с неутолимой жадью фантазии. Книжки горели в печи сознания дольше всего, но рано или поздно всё превращалось в холодный пепел, и снова требовалось что-то, на что можно будет направить мысли. Что-то, что даст возможность подняться над естественным положением вещей, раздвинуть границы обособленного личностного бытия и забыть о том, что физически ты – пылинка, плывущая по ми-

ровому течению времени в ожидании сначала совершеннолетия, потом правильной работы, а когда-нибудь в необозримом будущем и спокойной смерти.

Пока я пребывал в недрах разума, мир слился в одно большое мутное пятно – его можно увидеть, если на миг отвлечься от мыслей, но не концентрировать ни на чём взгляд. Через некоторое время краски потускнели: сознание как будто гасило освещение, перемещая на первый план картины из воображения. Оставшись наедине с самим собой, я закрыл глаза, давая им возможность передохнуть.

К сожалению, мысли играют против тебя. Раз – и растворились, не оставив ни малейших признаков своего существования, только где-нибудь далеко-далеко в памяти повиснет остаточный образ, да и тот скоро забудется. С мечтами в этом плане ещё хуже. Они похожи на мягкие игрушки, но те можно выстроить на книжных полках ровными рядами и время от времени бросать на них взгляды умиления. А мечты – игрушки живые. Ты стараешься, мастеришь их, вкладываешь душу, в конце концов ставишь на видное место, чтобы не потерять. И вдруг – бац, они берут и пропадают. Иногда это происходит на твоих глазах, и напоследок они разводят лапками: «Ты ведь понимаешь, мне нет места в реальном мире, нам надо расстаться». Иногда ты пропускаешь момент собственно исчезновения, но находишь игрушку на полу по дороге к двери. Поднимаешь её, отряхиваешь, приговаривая, как ты о ней беспокоился и как расстроен таким

её поведением, и ставишь обратно на полку, на прежнее место или немного другое – лучшее, если ты достаточно сентиментален, или худшее, если в душе успела зародиться мысль: «А может, и правда, надо отпустить и жить дальше».

Со временем учишься смотреть на вещи по-другому и стараешься, в меру возможностей, учитывать получаемый опыт, чтобы делать новые мечты другими, непохожими на прежние. Более сильными и приспособленными, как говорят у нас на биологии. С другой стороны, заранее представляя, какой монстр выйдет из твоих рук, его часто даже «дошивать» не хочется. Думаешь: ну его, лучше уж вообще без мечтаний, чем с такими уродливыми.

Ну да ладно. Оставим глобальные проблемы напоследок. До конца одиннадцатого класса далеко, ещё успею со всем определиться. А сейчас ситуация требует подняться, пойти на кухню и поставить чайник. Чай есть один из полумагических артефактов, подкрепляющих фантазию.

Я открыл глаза...

Но мира вокруг не оказалось. Дрогнула мутная плёнка, разошлась в стороны – и мне открылась сплошная светло-серая неровно освещённая туманная завеса.

От страха я замер. Что случилось? Ощущения были в высшей степени странные, в первую очередь – ввиду их отсутствия. Причём без разделения тела на отдельные участки... В смысле, если что-то вдруг произошло со зрением или с мозгом, это не должно отражаться на остальном теле, так

ведь? А здесь я как будто повис в невесомости.

Вопреки желанию туман не рассеивался, а наоборот, как будто набирал плотность. Протянув вперёд подрагивающую от страха руку, я обрадовался тому, что вижу последнюю без каких-либо проблем, но одновременно с бескомпромиссной ясностью осознал, что остальное пространство вокруг такое же настоящее. А дивана, пола, других окружавших меня минуту назад предметов нет и в помине.

Пока я боролся с приступом паники, серая пелена начала светлеть, не быстро, но терпимо. Так как источников освещения вокруг не наблюдалось, а влиять на происходящее я не мог ровным счётом никак, пришлось заставить себя сконцентрироваться на наблюдении. По идее, раз окружение способно меняться, можно дождаться, чтобы оно поменялось нужным образом. Как с рекой, у которой сидишь, пока по ней не проплывёт труп твоего врага.

Поймав себя на том, что опять отвлёкся и задумался, я не удержался от нервной улыбки. Наверное, это такая защитная реакция, побег от реальности. А если развить её до определённого уровня, можно не только психологическую, но и физическую нагрузку выдерживать. Следом сразу же представились застенки средневековой инквизиции – и сами инквизиторы, беснующиеся от того, что пленник не только не орёт, но и каждые полчаса виновато им говорит: «Ой, извините, я снова задумался... А что вы сейчас такое делали, а то я всё пропустил?..»

Туманная пелена тем временем окончательно посветлела и даже обрела форму. В какой-то момент я обнаружил, что лежу... на облаке. На небольшом клочке воздуха, поверхность которого ненамного больше контуров тела, примерно раза в полтора. И который теоретически должен плыть в небе и, опять же теоретически, не должен выдерживать мой вес. Но выдерживал и никуда не двигался.

Это было серьёзным качественным переходом сразу с нескольких ракурсов. Во-первых, в пространстве, куда меня занесло, появились физические ориентиры – то есть я снова имел вес, понимал направление и мог передвигаться в трёх измерениях, пусть и недалеко. Та часть головного мозга, которая досталась в наследство от древних глупых приматов, облегчённо выдохнула и прекратила паниковать. Во-вторых, ставка на ожидание оправдалась. Продолжаем до тех пор, пока... что?

Собственно, в-третьих, я окончательно смирился с тем, что нахожусь не у себя дома, как бы я к нему ни относился, а в чужом месте. От которого можно ждать буквально чего угодно. То есть совершенно не обязательно, что позитивного лично для меня.

Как мог осторожно я приподнялся и, встав на колени, посмотрел вниз. Действительно, выглядит как облачное небо изнутри – как оно представлялось. Вокруг всё тот же туман.

Размышления прервал негромкий спокойный голос, раздавшийся откуда-то спереди:

– Не бойся, я не причиню тебе вреда.

Если до этого нервы ещё выдерживали, то теперь им наступил предел – их хватило только на то, чтобы не заорать во весь голос, да и то лишь из-за непривычности такой реакции. На рефлексе, смешанном со страхом, я, как стоял на коленях, оттолкнулся от облака назад, и уже летя с дикой скоростью вниз – подумал, что заслужил такую нелепую смерть.

Однако разбиться мне не дали. Пелена разошлась, и меня встретил ровный тёмный пол с рисунками, какие ассоциировались у меня со старинными замками, соборами и подобными помещениями. Тактильные ощущения подтверждали, что это удивительно гладкий камень, и тем страннее было то, что приземление оказалось неожиданно мягким, как будто падение с сотни метров только привиделось. Переведя дух и на всякий случай проверив целостность конечностей, я поднялся.

Неоспоримый плюс этой парящей в небе каменной плиты сравнительно с куском облака заключался в том, что отсюда свалиться было гораздо труднее – серая узорчатая поверхность проглядывалась на десяток метров в каждую сторону, и не факт, что там и кончалась. Другое отличие представлял сидящий прямо на условном полу неподалёку от меня человек в длинном бежевом плаще с капюшоном, скрывающим лицо, похожем на монашеское одеяние.

– Не перестаю удивляться, – произнёс человек. – Что бы я ни сказал в самом начале, на всё – разные реакции. Но самый

большой страх вызывает фраза «я не причиню тебе вреда».

Фанатиком я не был. Не видел за свою жизнь ни одной настолько хорошей идеи, чтобы за нее стоило фанатеть. А без фанатичных взглядов на жизнь и оценивать её было проще.

– Я что, умер?

Мне показалось, что неизвестный улыбнулся.

– А что, хочется?

На этом я завис.

– Тогда кто ты?

– Хранитель.

– Хранитель чего?

– Как чего? Сундуков с сокровищами. Сейчас я загадаю тебе три загадки, и если отгадаешь их все – обогатишься.

Видимо, все мысли по поводу происходящего отразились на моём лице; из-под капюшона послышался смешок.

– Ладно, не нервничай. Я действительно Хранитель. Только не сундуков, а душ. Душ мечтателей.

Я немного успокоился. Самую малость.

– Мечтателей?

– Ну да. Слышал, что каждая мысль обладает энергией?

– Да. А...

– Иногда этих мыслей, а следовательно энергии набирается настолько много, что она может воздействовать на реальность. И только от направления этой энергии зависит, как эта реальность изменится.

Отдельные слова и даже фразы я понимал, но всё вместе

складывалось во что-то странное. Ладно, допустим, что дело обстоит так, как я это понял. Тогда попробуем посчитать вероятности, что же произошло. Я попал в один из книжных – или игровых? – миров – восемьдесят процентов. Научился летать – пятьдесят процентов. Вселенная уничтожена – ну, пускай будет десять процентов. Всё, идеи кончились.

Ты в одно мгновение переместился из своего дома непонятно куда и разговариваешь с каким-то Хранителем, – напомнил разум.

Приобщение к фантастическим событиям – сто процентов. Безо всякой конкретики.

– Ага, – Хранитель кивнул.

– Ты что, мысли читаешь? – скорее ужаснулся, чем возмутился я.

– А как ты представляешь хранение душ без возможности чтения мыслей?

Я вынужден был пожать плечами.

– Так вот, – продолжил рассказ Хранитель, – чем больше ты думаешь о чём-то, чем лучше это продумываешь, тем чётче задаётся вектор энергии. Но, как ты понимаешь, непрерывно думать о чём-то одном невозможно. Поэтому – что?

– Что?

– Поэтому вся накапливаемая энергия мыслей идёт в разные векторы, один или несколько главных и несколько десятков мелких.

– Угу.

Дрожь волнения ещё оставалась, но страх постепенно проходил. Если загадочный незнакомец рассказывает школьную геометрию, несмотря на такую необычную обстановку, есть надежда на благополучный исход.

– Назови свою главную мечту. Самую-самую.

– Э... а если её нет?

Хранитель качнул головой:

– Не пытайся выделить одну. Наоборот, выведи то общее, что вело тебя все эти годы. Раз ты здесь – с масштабами мышления у тебя проблем нет.

Масштабами?

– Не знаю. Идеальный мир?..

– Именно.

Хранитель поднялся с пола.

– Времени у нас немного, поэтому объясняю быстро и просто. Векторы сошлись, ты пробил ткань реальности и оказался там, где мечта – именно мечта – значит очень многое.

Боковым зрением я заметил, что туман вновь пришёл в движение и быстро отступает. Вскоре стали видны границы каменного круга, оказавшегося чуть ли не ста метров в диаметре.

– Здесь энергия мысли увеличивается во много раз. Твоя задача – суметь воспользоваться этим и построить идеальный для тебя мир. Это твоё единственное право и, если хочешь, единственная обязанность. Моральная.

– Весь мир – с нуля? – от напряжения голос сел. Хранитель ответил без тени насмешки:

– Нет, планета уже готова. И у тебя будет естественный ограничитель, чтобы соблюдать баланс в развитии. Начнёшь с Тронного зала – мы сейчас в нём находимся.

Я молчал, переваривая новости.

– Не бойся, ты справишься. Не ты первый, не ты последний.

– В смысле?

– Здесь живут такие же, как ты. Ничем не отличающиеся, кроме опыта. Ладно, последний вопрос, и я тебя покидаю.

– Мы ещё увидимся?

– Смотря что ты будешь делать, – Хранитель усмехнулся, а затем растаял в воздухе.

* * *

Я добрёл до переднего края Тронного зала. Завеса тумана исчезла без следа, и теперь отсюда, с высоты приличной многоэтажки, открылся вид на бескрайние луга и леса, уходящие вдаль черепаховым окрасом земли, пока не терялись на горизонте в голубой дымке. Хотя, может, это не туман ушёл, а я на своём каменном диске спустился с неба, но, в сущности, какая разница?..

Нет, скорее всего, не просто спустился. Каменный круг торчал параллельно земле из горы, как брошенный спортс-

меном-титаном мимо цели диск – ну, или летающая тарелка прищельцев, которые не смогли справиться с управлением. Оценив крутость горы, переходившей далее в гряды, и представив, что по ней придётся спускаться, я поёжился – но в целом меня всё устроило. Было бы гораздо хуже, находишь Зал на вершине соразмерной колонны.

Всё вокруг казалось кристально чистым. Мне раньше не приходилось наблюдать столько природы сразу: в сознательном возрасте из Москвы выезжать было некуда и незачем, так что повседневность сопровождали грязненькие городские зелёные полосы. Причём я только теперь понял, что они были грязненькими. «Что за странный запах?» – «Свежий воздух, сэр». Шутка была бы смешной, если бы не ощущение – впервые в жизни, – как кружится голова от переизбытка кислорода.

Состав воздуха, вероятно, был не при чём, сказывалось мгновенное перемещение из мегаполиса на территорию с нетронутой экологией. В любом случае, если стояла цель заставить меня поверить, что это мой идеальный мир, ход был беспроблемным.

Первые несколько минут я наслаждался ощущениями и укладывал в голове произошедшее. Затем вспомнил слова Хранителя про силу мысли.

Эх, стоило почитать какую-нибудь эзотерику, когда имелась возможность. Сила силой, но как её использовать-то... Была бы ложка что ли – потренироваться гнуть.

Внезапно раздался звон, чуть не заставивший меня от неожиданности повторить недавнюю ошибку и сигануть с высоты. Опустив глаза, я увидел... ну да, ложку. Обычную, железную, какие имелись у меня дома. В смысле, в доме, где я жил.

Выходит, это так просто? Без всяких извра... изощрений?

«Взлети», – приказал я мысленно, ни на мгновение не отрывая взгляда от созданного прибора. Медленно, в горизонтальном положении, тот воспарил, а затем повис в воздухе на уровне моих глаз.

– Жесть, – произнёс я вслух – чтобы звук собственного голоса убедил меня, что всё по-настоящему. Затем, поняв, что сказал, снова всмотрелся в ложку. Но – нет, она осталась железной.

Значит, просто слова ничего не дают. Что нужно? Именно приказать?

– Жесть, – так пафосно, как только мог, повторил я. На ложку это не произвело никакого впечатления.

Наверное, раз это сила мысли, нужно *захотеть*?

– Жесть, – в третий раз, уже спокойно, но с четким желанием трансформировать подопытный предмет. И – тут же схватил его, рассматривая во все глаза. Круто, жестяная ложка!

Итак, с принципом применения появившихся возможностей немного разобрались. Что дальше?

Тронный зал. Будем возводить на нём новый дом.

Впрочем, нет, это подождёт. Для начала – я начал подмерзать из-за беспрепятственно гуляющих здесь ветров, а также по-прежнему хочу чаю, ещё сильнее, чем раньше. И... только сейчас пришло осознание, что от холодного камня меня отделяют полмиллиметра каждодневных хлопчатобумажных носков.

Следом за мной из московской квартиры в заповедник переместились тёплая шерстяная кофта, тапки и любимая кружка, исходящая паром. Переодевшись и бросив ещё один взгляд с вершины мира, я хмыкнул: видел бы кто меня со стороны... – после чего погрузился в раздумья.

Были у меня знакомые девчонки, не сказать что подружки, которые могли часами сидеть над бумагой и планировать, как будет выглядеть их будущая собственная квартира, будущий загородный участок, и всё прочее. Никогда не понимал, в чём смысл этого, – а теперь гляди ж, надо делать то же самое, только без заготовок.

Какие-то намётки, конечно, были... Но явно не для такого случая.

Ладно, начнём с малого. Как должен выглядеть фундамент, всё ли меня в нём устраивает?

Потихоньку-понемногу выработалась следующая тактика. Вспоминается как можно больше образов из фильмов и книг. То, что нравится, примеривается к формируемому в голове макету и проверяется на гармоничность. Если что-то не нравится, проводится анализ, почему именно, – и ле-

пится новый образ «от обратного».

Через несколько сеансов мозгового штурма я достиг первого практического результата: Тронный зал оброс по периметру окружности высокими, метров по пять, колоннами через двойной промежуток. Между ними протянулась ограда, на мой взгляд, совершенно здесь необходимая. Крыша была отложена на следующий этап – уж очень много деталей требовалось учесть; но до неё дело не дошло. С той стороны, куда «указывал» мой торчащий из горы диск, что-то стремительно приближалось по прямой траектории.

Что это может быть? Бинобль бы... Ах да.

Птица. На ней кто-то или что-то. Ясности особо не прибавилось. Ну, подождём, пока приблизится, а там что-нибудь придумаем.

Почти добравшись до моего пристанища, птица, уже различимая невооружённым взглядом, расправила крылья и перешла на скользящий полёт. Её всадник помахал, вроде как доброжелательно; однако мои мысли в этот момент были направлены на другое. Хранители, перемещения, сила мысли – это всё за гранью постижимого. А вот такая, с одной стороны, не слишком важная, с другой, укладывающаяся в привычные категории мышления вещь как гигантский ездовой голубь оказалась способна ввести меня в ступор.

– Ваше величество, позвольте воспользоваться вашим залом как посадочной площадкой? – послышалось сверху.

Я растерянно повёл перед собой рукой, мол, давай, чего

уж. Голубь сделал ещё один круг и, несколько раз хлопнув гигантскими крыльями, приземлился на безопасном – даже по моим ощущениям – расстоянии.

Всадник, довольно молодой парень, ловко спрыгнул на землю, не спеша приблизился и с улыбкой склонил голову:

– Альден. Рад познакомиться.

Первое удивление отступило, уступая место настороженности и интересу, которые немедленно занялись переделом сфер влияния.

– Миша, – я рефлексивно протянул руку, которую парень с готовностью пожал.

Альден был практически моего возраста, по крайней мере, не старше восемнадцати. Русые волосы спускались до середины шеи, за исключением раздвоенной челки, длины которой хватало на полный охват головы. Выглядело это очень эффектно, как будто на голове лежал золотой венок или корона. Непонятно только, как эта форма держалась: логика требовала жёсткого устойчивого каркаса, но при движениях было видно отсутствие любых фиксаторов.

Высокие скулы, острый подбородок, тонкие изящные губы. Озорная ухмылка, которая задействовала, казалось, каждый мускул на лице – словно именно это было естественным его состоянием, а не расслабленно-спокойное. Он создавал впечатление романтика-оптимиста, который мог и хитро улыбнуться, вызывая ответную улыбку, и задумчиво по-

смотреть в глаза, заставляя начать размышлять о чём-нибудь глобальном, но всё равно хорошем. Этот образ потрясающе дополняли небольшие, даже на взгляд хрупкие прямоугольные очки, добавлявшие его и без того живым глазам эмоциональных оттенков.

А вот одежда... Белая туника до колен была обильно декорирована орнаментом под цвет, заметным только вблизи. Плетёный пояс, тоже на первый взгляд не представляющий ничего особенного, имел такой сложный рисунок, что даже я, равнодушный к шмоткам, засмотрелся. На плечах крепились фигурные тёмно-синие камня, которые держали длинный плащ цвета лазури.

Проявленный к нему интерес Альден воспринял абсолютно естественно. Чуть поменял стойку, поправил плечи и голову... И в этот момент я поймал озарение.

Совсем другим, торжественно-церемониальным голосом гость повторил:

– Император Альден Первый и последний, правитель Новой Римской империи.

Затем он поправил очки, сложил руки на груди и продолжил так же просто, как в самом начале:

– Да, у нас кругом монархия, привыкай.

Растерявшись, я тщетно подыскивал слова для ответа, но так и не находил. Никакого завалящего титула у меня не имелось.

– Ага. А я это... только что оттуда, – я ткнул пальцем

вверх.

Глаза моего нового знакомого весело сверкнули:

– Да мы все оттуда. Не нервничай ты так, здесь неко-го бояться. Михаил это, между прочим, здорово. Если бу-дешь строить Российскую империю, можешь сразу называть-ся Михаилом Романовым.

– Российскую империю?..

– Только Российскую и только империю! Иначе – не Ми-хаил и не Романов.

Оценив мои несчастные глаза, Альден посерьёзнул – чему я был безмерно рад.

– Я о твоём государстве. Тебе понадобится выбрать ему название, придумывать историю. Вот я и говорю: если захо-чешь создавать Российскую империю, даже имя не придётся менять.

– Так более понятно, – кивнул я.

– Извини, давно не общался с новичками, – император виновато улыбнулся, но затем снова наострился: – Так. Ты азы управления освоил?

– Управления?..

– Ну, творение и всё такое.

– Разве что самые азы.

– За час-то неудивительно. Тогда сначала теория. Ты хо-рошо понял суть своего перемещения?

– Хм... Во-первых, я попал куда-то, где сила мысли уве-личена в несколько раз. Во-вторых, нужно использовать это

и построить свой идеал... И начать – со своего Тронного зала.

– А почему ты переместился? – прищурился Альден.

– Ну, векторы...

– Неправильно! – император поднял указательный палец. – В корне неправильный ответ. Матчасть не имеет никакого значения – она всего лишь форма, а не суть. Ты переместился, потому что ты – Мечтатель, с большой буквы!

– Э? – я снова стушевался.

– Мысль это не просто химический процесс в голове у человека. Большинство даже не представляют, сколько возможностей скрывает мысль, для них это – инструмент, необходимый для решения каких-то мелких задач. Отпускать мысль на свободу, давать ей самостоятельно развиваться, жить своей отдельной жизнью – вот удел немногих смельчаков!

– Ты про фантазию, что ли? – уточнил я.

– Да, – Альден кивнул. – Человек без фантазии нежизнеспособен. Он не живет, он существует в определённом месте в определённом времени. Фантазия же – своеобразный проход, пройдя по которому человек открывает путь к смыслу жизни – мечте. Согласен?

– Наверное. А Мечтатели?..

– Находятся по ту сторону перехода. Мы не заглядываем к фантазии время от времени дабы развлечься, мы живём на той стороне и оттуда смотрим на тех, кто остался. Матери-

ально продолжая находиться в рамках обычного мира, волнуясь о насущных вещах, мы в то же время знаем, что это – не конец. Что в отличие от других у нас всегда есть возможность вырваться... и – некоторые вырываются насовсем. Сюда. И именно потому, что им это *удалось*, – они Мечтатели с большой буквы.

Выдержав паузу, Альден завершил вступление:

– А вот теперь, когда ты знаешь главное, можно переходить к рассказу об устройстве нашего мира

– Наш мир создан непонятно кем и неизвестно когда. Это не определишь: каждый новый приходящий застаёт его не таким, как пришедший ранее. И это касается не только политической, но и физической карты – ландшафт тут много раз корректировали «под себя»... Хотя совсем глобально ничего не менялось, только детали. Со всеми прибывающими разговаривает Хранитель. Кто он на самом деле, никто не знает, но похоже, что он здесь вроде инструктора: даёт новичкам базовую информацию и провожает на место, а больше никак и никогда не вмешивается. – Альден сделал глоток из бокала. – Значит, в чём тебе нужно разобраться. Первое – твоя сила и твои возможности. Тебе дана задача по плану «Правитель», а значит, у тебя есть три источника сил, или *потенциала*, как здесь принято называть: твой личный, источник твоего Дворца и государственный потенциал. Сейчас, в самом начале, все три полны под завязку, потому как

ты их ни на что не использовал.

– Использовал, – возразил я, – когда тренировался управлять силой мысли.

– Это твой личный потенциал, так что не считается – он восстанавливается быстрее всего. Важнее другие два. Дворцовый – потенциал, который можно тратить на всё принадлежащее Дворцу, непосредственно связанное с ним. Или не связанное, но... В общем, всё на территории Дворца, кроме людей.

– Людей???

– А ты хотел один жить в целом государстве? Правильно, своя большая личность куда интереснее, чем какие-то несколько сот тысяч простых граждан. Вот это самооценка, вот это я понимаю! – Альден многозначительно закивал.

От его тона, да и выражения лица тоже я не выдержал и хихикнул. Пояснил:

– Не задумывался об этом. Одно дело создавать неживые предметы, а другое – людей...

– Ой, нашел, о чём волноваться, это такое простое занятие. Вот вчера, например, ночью...

Теперь я уже засмеялся в голос.

– На самом деле, в этом и правда, нет ничего сложного, – Альден довольно улыбался. – Нужно представить два потока энергии. Один – обычный, «образный», которым ты конструируешь что тебе нужно, а вторым – наделяешь творение жизненной силой. Если ты попробуешь создать челове-

ка в один поток, получится деревянная или каменная статуя. А так – сначала начинаешь представлять этого человека, затем переключаешься на вкачивание в него энергии, затем снова на создание формы, и так пока не закончишь. Кстати, – император похлопал по изголовью дивана, на котором лежал, – их ты создавал от собственного потенциала?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Просто придумал образ и материализовал его.

– Да, от собственного. Попробуй сейчас сделать то же самое, но как бы вырастить. То есть постарайся почувствовать создаваемое именно частью Дворца.

– А если его ещё нет?

– Тронный зал, – Альден чуть свесился с дивана и коснулся пальцами каменного пола. – Это основа твоего будущего Дворца и средоточие твоей силы. Давай, попробуй.

Неподалеку от нас возникла серая тучка, которая через несколько секунд испарилась и оставила вместо себя третью копию дивана.

– Получилось? – спросил я.

– Если бы не получилось, ничего бы не вышло. Хорошо, этот принцип ты понял. С государственным потенциалом примерно так же, но он идёт на создание всего, что относится к государству. Начиная зданиями, гражданами и заканчивая территорией, то есть тем самым ландшафтом. Да, дворцовый и госпотенциал имеют соответствующие границы, в пределах которых их можно применять. А личный – это личный,

он с тобой всегда.

Я молча разглядывал небо над головой.

– Как, укладывается в голове?

– Да, вполне. По крайней мере, пока, – кивнул я. – Слушай, а... Обязательно становиться правителем? Это, конечно, прикольно, но зачем такие сложности?

– Что конкретно тебя интересует? – уточнил Альден. – Этот вопрос можно трактовать по-разному.

– Ну... могу я, например, построить идеальную страну, а потом просто жить в ней? *Просто* жить?

– А управлять кто будет?

– Так я же могу создавать всё, что угодно?

– Ага.

– А если я создаю человека, я могу сделать его каким угодно?

– С парой нюансов, но да.

– Ну вот. Посажу на трон профессионального правителя, – я пожал плечами.

– Обычного профессионального правителя?

– Ну да.

– Ладно, представь, живешь. Бац – реформа.

– Какая реформа? – не понял я.

– Да в том-то и дело, что любая. Сколько людей, столько и идеалов. С чего ты взял, что идеальное *для тебя* государство будет таким для этого правителя? А создать человека-кальку с себя ты не сможешь – на это стоит блок.

– А человека с такой же системой ценностей, как у меня?

– Система ценностей, как показывает практика, ничего не гарантирует, абсолютно. Так что увы. А если каждый раз ходить и объяснять ему, что такое хорошо, а что такое плохо, автоматом превратишься в первого советника – и таки придётся разбираться во всём происходящем.

Я погрузился. Начальный запал прошёл, и меня совсем не тянуло становиться во главе целой страны.

– Или, представь, кризис. Нужны какие-то срочные изменения. Пусть даже ты знаешь, что делать, – будучи правителем тебе достаточно отдать приказ. А так тебе придётся тратить или силы на донесение своей позиции до правящей верхушки, или госпотенциал, чтобы выправить всё как надо в минимальные сроки, – который, между прочим, восстанавливается медленнее всего, – или и то и другое. Хм? Что такое, почему грустный вид? Перспективы не нравятся?

Я покачал головой.

– Ууу... А хочешь, ещё кое-что расскажу? Касательно трактовок твоего вопроса про необходимость быть Правителем. Тебе не приходила в голову мысль, что можно сделать идеальное государство без такового? Например, анархия или коммунизм в классическом представлении?

Я с надеждой поднял взгляд.

– Обломись! – радостно заявил Альден. – Спорю на что хочешь, ты просто не сможешь придумать для себя такого идеального мира!

– Почему? – уже начиная погружаться в обречённость спросил я.

– Да потому, что здесь существует деление приходящих по принципу представления идеала, на Правителей, которым государство необходимо, как вода рыбе, и Одиночек, которым оно даром не сдалось. И раз ты, дорогой друг, появился на территории, закреплённой за Правителями, то всё с тобой ясно и тебе ничего не остаётся кроме как создать шнурок и обернуть вокруг головы!

– Почему головы? – я ожидал услышать «шеи», и странное окончание фразы заставило удивиться.

– Чтобы мерки свои знать, а то корона жать будет!

Император веселился надо мной настолько незамысловато и искренне, что я не выдержал и тоже засмеялся.

– Из траура выведен. Миссия выполнена, – констатировал Альден. – Ну что, идём дальше? Хочешь, карту мира покажу?

Он чуть прищурился, и между нашими диванами возникла огромная резная чаша, наполненная водой и песком, которые, как я понял, представляли со всей доступной реалистичностью физическую карту планеты: холмиками были показаны горы, крохотными ручейками – реки. Материк был один, но большой. По форме он напоминал Евразию, только расширенную с запада и имеющую дополнительные земли на севере. Да и на букву «Г» он походил сильнее.

– Вот здесь, – на внутренней стороне «бумеранга» Альден

очертил пальцем довольно большую область, – Новая Римская империя, с правителем которой ты уже знаком. Столица, конечно же, Рим, который ты обязательно посетишь в кратчайшие сроки. Форма правления – монархия. Вот это – эльфийские земли, – вторая область была немного меньше первой и примыкала к внутренней стороне южной части материка. – Основную площадь занимают леса и примерно пятую часть – луга. Столица – Лентан, правитель – Кейра. Угадай, какая форма правления?

– Монархия, – я пожал плечами. Во всех художественных источниках, известных мне, эльфы имели королей.

– Демократическая республика! – Альден торжествующе щелкнул пальцами. – На человеческом языке – коммунизм!

– У эльфов – коммунизм?! – поразился я.

– Настоящий! Что, не можешь представить?

– Я себе вообще настоящий коммунизм не могу представить, – честно ответил я. – А уж как это может сочетаться с эльфами...

– Ну, это долгая тема. У Кейры потом спросишь, она любит, когда об этом спрашивают.

На внешней стороне сгиба, в самом углу материка появилась третья, среднего размера область.

– А здесь – драконы. Такие же настоящие, как и эльфы. Между прочим, мой голубь отчасти обязан им фактом своего существования. Представляешь, сколько народу мечтает летать на собственном драконе? А вот Ресд всех обломал – вы-

брал народом именно драконов, и теперь использование их в качестве верховых животных является прямым оскорблением. При этом сам Ресд летает... Впрочем, ладно. До некоторых вещей даже в идеальном мире нужно доходить самому.

– Предлагаешь мне самому наведаться к этому Ресду и посмотреть, на чём же он летает?

– Не так важно – на чём, главное, как ему это удалось. Ну да пока оставим. Столица у драконов – Гирст. И вся остальная территория – тоже Гирст, потому что столица там единственный город. Любят они, понимаешь, в горах жить. Братство сумрака!

Очертания территории народа со странным самоназванием появились в центре южной части материка, прямо рядом с Новой Римской империей, окружив несколько конусов плотного песка, изображающих горы. – О нём тоже всё узнаешь сам, иначе не так интересно будет. Правит там Нармиз, когда будешь в Риме, скорее всего там же с ним и познакомишься. Вот...

Задумавшись, Альден склонился над картой. Затем ткнул в сильно выпиравшую северную часть, напоминавшую из-за этого горб.

– Тоже своего рода достопримечательность. Вот это всё – Фор-Корст, закрытое от внешнего мира государство. Те источники, которые есть в доступе, утверждают, что ему минимум два века, причём закрытым оно было уже тогда. Больше

никакой достоверной информации нет, только слухи. Традиционно считается, что закрытость Фор-Корста связана с тем, что его Правитель особенного далеко продвинулся в изучении изменения реальности. Смотри, какая территория, горы по всему периметру... Не знаю, что было раньше, добровольное отшельничество или нахождение истины, но сейчас это самый интересный и одновременно самый бесполезный регион: никто из тех, кто хотел найти этого Правителя, так и не смог это сделать. А кто-то и вовсе не смог перебраться за периметр – хороший барьер, ничего не скажешь. Чтобы обзавестись таким, обычному Правителю нужно лет пятьдесят копить госпотенциал.

– То есть процесс накопления может быть бесконечным? – уточнил я.

– Накопления? Нет, только до первоначального предела. Я об этом не сказал?

Я пожал плечами.

– Пределы личных и дворцовых потенциалов у всех одинаковые – с ними ещё не научились работать. А вот о государственном уже кое-что известно, например, зависимость от размера территории. В километрах, к сожалению, измерить не получается, но по соотношению достаточно понятно. Сначала действует правило «чем больше страна – тем больше сил для управления ею». Правитель приходит, государство строится, развивается, расширяется, колосится, на солнце золотится. Затем примерно на уровне средних раз-

меров рост госпотенциала прекращается. А если границы продолжают расширять, потенциал начинает снижаться. Это как своеобразный предохранитель, который не дает Правителям получить больше сил, чем они могут распорядиться. На меня, вот, тоже не так давно эта гадость начала действовать, – пожаловался император, – единственное, что помогает держать первую по величине страну, это собственные навыки управления. Чего и тебе настоятельно рекомендую: не гонись за бесплатными возможностями, сам познавай науку государеву.

У меня было устойчивое ощущение, что я о чём-то забыл. О чём-то, связанном с картой.

– Ты, вроде, говорил, что Мечтатели делятся по отношению к государству...

– Точно! Молодец, хорошо подметил. Эх, давно я всё это не пересказывал. Смотри, вот здесь находимся мы, – Альден ткнул пальцев в цепочку гор, которая отделяла от основной части материка крайнюю западную часть. – А сразу за твоими горами – Отшельные земли, как их обычно называют, то есть территория, где появляются Одиночки.

– Отшельные? Они что, вообще никак себя не проявляют? – удивился я. Отрицание государства – это ладно, но полное отшельничество...

– Неа. И на контакт идут крайне редко, и сами ни во что не вмешиваются. Не любят они нас. А может, вообще никого не любят, не знаю. Поэтому о них известно очень мало.

Единственный точный факт – у них изначально отсутствует госпотенциал.

– Понятно.

Я задумчиво смотрел на карту.

– Столько свободного места...

– Да ладно, как будто это плохо. Во-первых, есть куда расширяться, во-вторых, всегда есть куда придти новому человеку.

– А сколько Правителей здесь может уместиться? – заинтересовался я. Альден пожал плечами:

– С полным комфортом – человек восемь. Если верить слухам, то десяток, но я такого ещё не видел.

Несколько минут мы провели в тишине и раздумьях, а заодно неспешном поглощении созданных фруктов. Наконец, я поднял голову:

– А ты здесь ещё долго будешь?

Альден задумчиво улыбнулся:

– Не знаю. Тебе ведь надо государство строить... Если ты не мечтал все эти годы о собственном доминионе, то несколько дней у тебя уйдёт только на его продумывание. Потом будешь осваиваться в реализованной модели. А как освоишься, уже будешь относительно свободен. У меня-то всё под контролем, я могу хоть на неделю исчезнуть, а вот у тебя пока ни опыта управления, ни просто навыков. Так что сейчас мы досидим, ещё о чём-нибудь поболтаем, а потом я полечу обратно к себе, а ты вырастишь себе тёплую

спальню и ляжешь думать о счастье своем и, возможно, народном. Ну, а когда разгребёшь дела и доберёшься до Рима, увидимся снова. Да, Рим – это на востоке, как будешь подлетать к горам, увидишь одну, такую, с двойной верхушкой.

– Именно подлетать? – уточнил я.

– Воздушный транспорт всяко удобнее и быстрее. Или ты высоты боишься?

– Да нет... – я задумался. – А создам-ка я его прямо сейчас. Чтобы ты, если что, указал на ошибки.

О, вовремя вспомнил про драконов... Так, а на чем ещё можно летать в этом мире? Голубя я что-то не очень хочу. Ворону тоже... Да ну этих оригиналов-императоров. А какое у меня вообще любимое животное? Нет, не то. Какая у меня любимая *птица*? Никогда раньше не задумывался. Всё, оживляю первый попавшийся образ. Хоть дятел, плевать.

Перед внутренним взором сразу же возник огромный стального цвета дятел, висящий на скале над Тронным залом и долбящий камень. Бррр... Кто угодно, кроме дятлов и драконов!

Не открывая глаз я улыбнулся. Попался один интересный образ, будет жаль, если Альден его забракует.

Так, один поток, второй... А это, оказывается, не так уж легко – прорабатывать что-то в голове, а не просто представлять общими контурами.

О том, что попытка создания удалась как минимум наполовину, меня проинформировал нечленораздельный звук,

изданный Альденом, и... ещё один звук, смутно знакомый... Открыв глаза, я уставился на огромного, с меня ростом, тигра со столь же огромными орлиными крыльями, сложенными на спине. Встретившись со мной взглядом, тигр снова мурлыкнул – от чего, как показалось, по полу пошла вибрация – и ткнулся носом мне в лицо. Через силу подняв поддрагивающую руку, я всё-таки решился и тоже потрепал его по шее. Густая шерсть напоминала по ощущениям покрывало для кровати, но с дополнительным подогревом. Хотя, по логике, сравнение должно быть обратным.

Император наблюдал за мной с искренним интересом.

– Живой личный транспорт не так уж часто создают. Это я на тебя повлиял?

– Немного, – я смутился. – Не на ковре-самолёте же мне летать.

– Да тут на чём только ни летают. Кто во что горазд. Это ж не государство, можно и несколько вариантов создать.

– Ясно... Кстати, подскажешь что-нибудь? Я-то не разбираюсь в животных, так, по наитию делал. Вдруг не получится на нём летать?

Альден бросил критический взгляд на тигра.

– Я бы посоветовал вернуть ему исходные размеры – тебе хватит. Ну, а физические характеристики по ходу дела подгонишь. Потестируй его, проверь, какой вес и как долго может тянуть. У меня всё-таки птица. Можешь потом к Кейре обратиться, если что.

Поднявшись, он направился к своему голубю, который всё время нашего общения сидел на одной из колонн Тронного зала и спал, убрав голову под крыло. Проснувшись от отклика, он вяло воркнул и слетел на пол, скользнув по тигру абсолютно равнодушным взглядом.

– Летишь? – спросил я, не в силах перестать трогать тигриную шкуру.

– Ага, пора уже. – Забравшись в седло и взяв поводья, Альден напомнил: – Значит, как освободишься, жду тебя в Риме. Где-то через неделю-полторы. Да, кстати, ты имя в итоге будешь менять?

– Зачем? – не понял я.

– Многие выбирают себе новые имена, как бы в знак того, что старому, несовершенному миру они ничем не обязаны. Да и вообще стараются иметь в своих государствах побольше отличий от тех, откуда пришли. Я, вот, Римскую империю взял потому, что долгое время ей интересовался. А так... Ну, в общем, ты понял. Иногда берут те имена, которыми раньше подписывались как псевдонимами. Ты как себя звал?

Равнодушным такие вопросы не оставляют, но я себя пересилил. И правда, новый мир, новые правила. Новая жизнь.

– Маркус, – негромко ответил я. Повторил: – Я был Маркус.

– Во, отлично. – Альден улыбнулся. – Тебе вполне подходит. Именно на Маркуса и выглядишь.

Я натянуто улыбнулся.

– Ну и денёк выдался.

– Да ладно тебе. Всё только начинается, – Альден ободряюще кивнул. – Мы же – кто? Мы – Мечтатели!

Дополнив завершающую фразу не менее пафосным жестом, он натянул поводья и голубь рванул в небо.

* * * * *

Сразу в Рим мы не попали – пришлось задержаться в лагере Альдена. В другое время я бы обязательно заинтересовался тем, как тут организована армия, да и, несомненно, для души посмотрел на воинский быт с построениями, маршами и прочими специфическими атрибутами. С исторической Римской империей, конечно, вряд ли получилось бы сравнить по причине недостаточности знаний, но всё равно. В любом случае, сейчас мне было не до этого. Альден усвистал осуществлять руководство, а я сидел в свободной палатке с тигром, смотрел на девчонку и думал обо всём, что увидел. Не то чтобы выстраивал логические схемы и пытался дойти до всего самостоятельно – всё же надеялся, что позже получу подробные объяснения. Скорее, просто крутил по кругу одни и те же мысли, пытаясь если не разделаться с ощущением абсолютного непонимания происходящего, то хотя бы конкретизировать его и понять, к чему именно у меня претензии, чтобы потом задавать нужные вопросы.

Ну и, опять же, девчонка, да. Прикинув, я остановился

на версии с шестнадцатью годами. Острые черты лица, плотно сжатые губы, нахмуренные брови... Пожалуй, она была симпатична – даже с тем выражением, которое застыло на её лице когда она приняла неожиданный удар. Что-то между обиженным и недовольным. Но тем больше меня занимало то, что, несмотря на её внешнюю привлекательность и некоторую к ней жалость, она создавала ощущение угрозы. Не опасения, что вот сейчас она оклемается, разозлится и начнёт крушить всех вокруг, а перманентной тревоги, не происходящей не из чего конкретного. Бывает, сталкиваешься на улице с людьми, к которым сама собой возникает неприязнь. Здесь – то же самое.

Когда мы добрались до римского дворца и опустились на посадочную площадку, к нам тут же подбежала группа солдат. Альден им лишь кивнул – и они сразу принялись за дело, явно уже зная порядок действий в таких ситуациях и свои непосредственные обязанности. Двое, как я понял, просканировали нас с помощью непонятных приборов, после этого ещё двое увели куда-то голубя – ну да, вряд ли Альден подобно мне держит птицу в своей спальне, – а один подошёл ко мне с намерением забрать бессознательное тело девчонки. Я замешкался, и Альден успокаивающе коснулся моего плеча. Пришлось подчиниться.

Римский дворец заметно отличался от киевского внутренним обустройством. Возникало ощущение, что император, перед тем как создавать свою резиденцию, тщательно выри-

совывал все помещения на чертежах – не то что моё жилище мечты абстракциониста по плану «где удобнее пройти – там и будет коридор».

Похоже, здесь ценили в первую очередь внушительность, устойчивость и незыблемость. Лишь башня, на которую мы сейчас поднимались, единственная из всех частей Дворца выбивалась из этой концепции – тонкое длинное копьё, устремлённое в небо и ничем не ограниченное со сторон. Впрочем, это выглядело не как что-то несуразное, а как естественный противовес остальной многоярусной громаде; лично у меня возникла ассоциация с молотом и его ручкой. Похоже, император любил баланс...

Наблюдая за Альденом, который поднимался по винтовой лестнице без каких-либо видимых усилий, но, тем не менее, ни на метр не отдалялся от меня, еле волочащего ноги и задыхающегося, я подумал, что благодарен ему, даже если это трюк, призванный усмирить мою бдительность. Это, правда, не мешало одновременно испытывать зависть, особенно в момент понимания, что он даже не сбил дыхания за время подъёма.

Лестница выходила прямо на площадку, без люков и прочих деталей. Наверху стояло несколько кресел: два – впереди, по направлению к городу, и ещё несколько – сзади, за выходом с лестницы, то ли запасные, то ли для специальных собраний. Между двумя передними находился овальный столик на одной ножке с напитками и посудой. Достаточно при-

ятная обстановка, подходящая для задушевных и не очень разговоров, но я вздрогнул: опять отсутствие ограды.

Альден сел в одно из передних кресел, кивком пригласил меня сесть в соседнее и наполнил кубок из одной из бутылок. Тут же выпил. Посидел немного, потом вздохнул:

– Спрашивай.

Этого-то я и ждал.

– Что за войну я застал?

Взгляд императора чуть расфокусировался, затем снова собрался, уже точнее.

– В мир пришёл инфернал. Мы должны были напасть первыми, пока это не сделал он.

– Кто такие инферналы?

На этот раз молчание длилось дольше.

– Мечтатели это не высшая раса, во многом – почти во всём – они ничем не отличаются от обычных людей. И не все из них бывают добрыми и благородными...

– И вы устраиваете отбор самых лучших?

– Это не отбор, Марк! Это защита! – в голосе Альдена зазвенела боль. Он снова вздохнул, пытаясь успокоиться. – Мы попадаем сюда силой своих мыслей. Мечтаем об идеальном мире, в котором с нами всё будет хорошо, где на нас не будет давить несовершенное общество. Где будут только такие же, как мы! – последняя фраза прозвучала неожиданно жалобно, и император осёкся. Затем продолжил: – Там, на Земле, нас часто презирают только за то, что мы не такие, как

все. Многие не выдерживают. Все эти подростки, в том числе из вроде бы благополучных семей, которые ни с того, ни с сего прыгают с крыш, хватаются за лезвия, едят снотворное, даже достаточно взрослые люди, которые со стеклянными глазами приходят домой и решают, что больше не хотят жить. Многие из них – мечтатели! Но тех, кто против них, ещё больше. Сама система работает на это. Есть и другие, которые выбираются – силой веры, силой уверенности, силой удара ногой в ответ на удар кулаком, много как, – и они живут. Часто даже до старости, живут, сохраняя в себе кусочек наивности и мечтательности, оберегая его от зверей вокруг. Некоторые сохраняют настолько большой этот кусочек, что попадают сюда... Они – могут, потому что верят: выход – есть. А есть и третьи, которые застряли где-то посередине. Которых сломали, но не добились. Искорёженные, больные души. Детдома, неполные семьи, даже обычные школы – всё может работать на это. Такой мечтатель не умирает – но меняет полярность. Например, кто-нибудь хотел стать врачом. Ему было дано всё, чтобы стать когда-нибудь гением медицины. Но он сломался. И добрый мальчик, который представлял себя за операционным столом, спасающим жизни людей, исчез, а вместо него появился другой, который начал использовать свои возможности для других целей. Кто как не хирург знает, как правильнее ударить человека, чтобы отказал какой-нибудь орган?.. Всё, что было дано добром, начинает работать во зло. И, представь себе, эти люди оста-

ются мечтателями, по сути своей! Да, они перестали верить во всё, кроме себя, мечтать о хорошем, но они всё равно мечтают, пусть даже их мечты – кошмары для других людей! И, к сожалению, эти мечтатели тоже иногда набирают такую силу мысли, что попадают сюда. Это и есть инферналы, Марк, от слова «инферно» – боль, страдание и разрушение.

Я молчал. Я начал, наконец, представлять всю картину в целом, а не видеть её детали по отдельности, и мне становилось страшно. А Альден всё продолжал:

– И как ты думаешь, что делают инферналы, попадая в новую реальность, где им нет угрозы? Говорят «слава богу, этот ад закончился, теперь можно снова жить по-человечески»? Как бы не так! У нас здесь, понимаешь ли, отсталый мир, в котором не умеют наслаждаться абсолютной властью, к примеру, или красотой смерти. Радуга, цветочки, мир, труд, май и никаких тебе баталий, борьбы за господство, а также множества более мелких развлечений, доступных человеку, имеющему нашу силу. И инферналы не сидят и не мирятся с таким положением вещей. Это ты, Марк, создал страну и стал заниматься ею. Не знаю, о чём говорит с инферналами Хранитель, но этим сволочам никогда не хватает имеющегося, им нужен под ногами сразу весь мир.

Альден снова наполнил и в несколько глотков опорожнил свой кубок.

– Факт остается фактом. Либо мы нападаем первыми и уничтожаем врага до того, как он наберет силу, либо мы

медлим, а он осваивается, строит экономику, независимую от потенциала... И начинается война. Изредка на несколько месяцев, обычно – на несколько лет. Где жертвы могут достигать нескольких десятков тысяч в день...

– И что, каждый раз? Каждый раз – то, что ты описываешь?

– В том-то и дело, Марк, что каждый. За всё время ни одного исключения.

– Но есть же какие-то варианты! – горло начало сдавливать от горечи и страха. – Можно же что-то придумать? Договориться как-нибудь, чтоб все строили свои идеалы раздельно?

– Их идеал – война, – отрезал император. – Разумеется, инферналы не одинаковы: один воюет ради славы завоевателя, которой не смог бы получить в своём мире, другой ради ощущений, третий просто эгоист и не приемлет чужих идеалов, четвёртый ещё почему... Мотивов – масса. А единственное, что их объединяет, это искажённое представление о том, кто какие права имеет и на основании чего. Слышал, что правда у каждого своя, а истина одна на всех? Вот инферналы свято уверены, что являются единоличными носителями истины и имеют проистекающее из этого право навязывать её.

– А если победить инфернала – и прийти к нему с предложением мира? Объяснить ему...

Альден покачал головой:

– Ты слишком плохо представляешь себе их психологию. Это всё не работает... В конце концов, не мы это начали, это уже давно идёт.

Он снова налил что-то себе в кубок, на этот раз из другой бутылки; донёсшийся до меня резкий запах с примесью спирта оказался похож на коньяк. Мда, тяжелы будни монарха, если наготове должен быть такой способ расслабления... Хотя я его сейчас не винил, наоборот, изо всех сил обрубал лапы аналогичному желанию.

Возможно, он правильно сделал, что не начал говорить обо всём этом в первый же день. Не был я готов к этому разговору, даже теперь...

– С чего ты решил, что та девчонка – инфернал? – тихо спросил я.

– Она сама командовала своим войском, – Альден уже начал хмелеть. – Марк, у тебя есть армия?

– Нет, – я растерялся. – Сначала хотел сделать, но потом отложил. Я в этом деле плохо разбираюсь.

– А вот когда мы подошли к её границам, нас встретили готовые отряды. И не каких-нибудь придуманных за десять минут солдат судного дня, а толково вооружённых, прекрасно подготовленных, не побоюсь сказать, элитных бойцов. Человек, который всего несколько часов в новом мире, сразу создаёт армию. Не дворец, который замок, не слуг, а именно армию. Как тебе? Ну, а главный признак – красные молнии. По нему точно не ошибёшься.

– Что это вообще за молнии? – я попытался перевести тему.

– Не знаю. По общепринятому мнению, они отражают ауру приходящего в мир человека. Я довольно много над этим думал, – Альден немного оживился – философская натура. – Осталось три версии, которые мне кажутся наиболее вероятными. Первая: при переходе человека из мира в мир с ним переносится и вся его энергия. И то ли из-за слишком резкого перехода, то ли ещё из-за чего эта энергия проходит скачками, а потому образуются аномалии в виде молний цвета, соответствующего ауре человека. Вторая рядом: Хранитель говорил, что в этом мире наша сила мысли увеличивается в разы, благодаря чему мы и можем творить всё, что творим. Так что, может быть, это как раз проявление роста энергетических сил переходящего. А третья – мир просто подготавливает для человека территорию. Когда кто-то приходит, район появления заполняется густым туманом, выше которого и бьют молнии. Искать кого-либо или что-либо в это время совершенно невозможно, ты будешь блуждать безо всяких опознавательных знаков, пока туман не рассеется. Да и потом не факт, что знаки появятся: ландшафт может сильно поменяться, это не предугадаешь. В любом случае, когда человек оказывается здесь, всё приходит в норму. Ну, только если это не инфернал... Так вот, если молнии красные – это точно он. Ходят рассказы о том, что цвет ничего не определяет полностью и когда-то здесь жили «красные» Правите-

ли... Но их могли сочинить и под влиянием эмоций. Пока что статистика говорит сама за себя: нам такие уникальности не встречались.

Я сидел опустив подбородок на сцепленные в замок руки и размышлял, укладывая по местам полученную информацию.

Кстати, вот что интересно.

– А какими были молнии при моём появлении?

– Фиолетовые.

Неплохой цвет, один из любимых.

Снова потянулось молчание, никем теперь не прерываемое. Каждый углубился в мысли.

Солнце описало круг и начинало клониться к закату где-то далеко за башней: тень последней потихоньку росла и заполняла линию центральной улицы Рима, как ртутный термометр.

Похожая тень сейчас накрывала и меня где-то внутри души. Огромная тень ощущения, что меня догнали мои страхи... Ну почему, почему даже в идеальном мире нельзя существовать, ни с кем не конфликтуя?! В какие глубины мироздания нужно залезть, чтобы там не было войн?

Чем больше я размышлял об этом, тем больше появлялось уверенности, что что-то осталось неучтённым. А может, всё-таки возможно что-нибудь изменить?.. Человек способен меняться. Неужели ни один инфернал не нашёл в себе силы для этого? Судя по тому, как категорично мне всё рас-

сказали, – кто-то определённо пытался заняться перевоспитанием. Но потерпел неудачу.

Ну, даже если и потерпел. Психология такая штука, что никогда точно не угадаешь, как надо действовать.

Между прочим, насчёт «действовать»: я ведь уже поднял своё положение в глазах девчонки, когда спас её...

– Ага, он что-то придумал, – нарушил продолжительное молчание Альден, оказывается, следивший за моим лицом.

– Не-а. В целом думаю об этом мире...

– Разочаровался в его идеальности? – император растянул губы в невесёлой ухмылке и в очередной раз наполнил кубок. Слава богу, судя по запаху, это был какой-то сок. – Ты не первый, уж можешь поверить. Каждый приходящий ждёт идеальности от всех его аспектов. И через какое-то время начинает разочаровываться... Да, ты как, сегодня у меня остаёшься?

– Благодарю, император. – поднявшись, я изобразил шуточный поклон. – Я лучше вернусь домой. Мне сегодня нужно побыть одному.

– Не за что, правитель Маркус, – Альден приподнял кубок. – Дорогу до воздушки найдёшь? Я, если не возражаешь, посижу здесь ещё немного.

– Конечно. В крайнем случае, спрошу у кого-нибудь.

* * *

Подождав, пока стихнет звук шагов по лестнице, Альден бросил задумчивый взгляд на город. Сказал в пустоту:

– Корнелий, оставь в камерах минимум стражи. Потом поднимись на седьмой ярус и укажи Марку новое расположение коридоров.

* * *

После пройденной в пятый раз арки я готов был начать ругаться в полный голос. Похоже, день выдался таким насыщенным, что под конец память перегрузилась. Причём не когда-нибудь, а именно на обратном пути.

Первая лестница, коридор, вторая лестница, прямо, направо, третья... Прямо, налево, прямо, выход к четвёртой. Так?

По всему выходило, что не так. Как угодно, но не так. То же мне, систематическое расположение помещений. С такой системой рехнуться можно.

Хорошо, допустим, я в какой-то момент отвлёкся и в эту арку мы всё-таки заходили. Но дальше-то, после неё куда?

Дойдя до новой развилки и не обнаружив ничего знакомого, я не удержался и негромко ругнулся. Эта архитекту-

ра ещё неделю будет сниться мне в кошмарах: одинаковые коридоры, в лабиринте которых скрывалось не менее двух лестниц, одна наверх, другая вниз.

В стороне вдруг послышался чудесный, самый лучший на свете – в пределах последнего получаса – звук: человеческие шаги. Наконец-то, кто-то, у кого можно спросить дорогу! Окрылённый вернувшимся энтузиазмом, я двинулся навстречу.

Человек оказался, судя по разукрашенному нагруднику, офицером императорской стражи. Чуть склонив голову, он поинтересовался:

– Могу чем-нибудь помочь?

– Лестница! – выдохнул я. Уточнил: – Вниз. Я заблудился.

Военный указал рукой за мою спину:

– Мимо арки, после неё второй поворот направо, и там увидите.

Ага, я был прав! В арку идти не требовалось. Жаль, ранее этот факт ничем мне не помог.

– Спасибо! А самый короткий путь к воздушке не скажете?

Остальные объяснения практически совпали с тем, что я запомнил, и это не могло не радовать. Попасть во вторую подобную ситуацию подряд оказалось бы слишком.

Я понёсся в нужном направлении, заново прорабатывая составленный план. Только бы не опоздать, и так потеряно слишком много времени.

Наблюдательность хоть и в самом конце, но всё-таки меня подвела: к воздушной площадке вели не два выхода, как показалось по прилёту, а все четыре. В один уходили мы с Альденом, а в какой-то другой унесли девчонку. Вопрос, в какой? Полученный опыт призывал не нырять сходу в незнакомые коридоры.

Я бросил взгляд на караульного, ненавязчиво следившего за моими действиями. А если...

– Извините, можно задать вопрос как от не полностью освоившегося правителя?

Солдат нахмурился. Нечасто, небось, к нему с таким подходят.

– Чем смогу – помогу... господин.

– По сколько часов у вас длится смена? Я пытаюсь организовать свою гвардию, а ориентироваться не на что.

Тот расслабился – видимо, военной тайной это не являлось.

– Три часа, если нет особых распоряжений.

– Благодарю, – кивнул я. – И ещё одно. Как отсюда пройти к тюремным камерам?

– В ту дверь и вниз на четыре яруса. А...

– Хочу поговорить с той, которую мы сегодня привезли. Насколько я знаю, сейчас это достаточно безопасно.

Посомневавшись немного, караульный сообщил:

– Некоторые инферналы умеют действовать даже через решетку. С ними всегда надо быть настороже.

– Спасибо, учту.

Спускаясь по каменным ступеням вглубь тюремного отсека, я ликовал. Может получится! Дозорный был не тот, что встречал нас с Альденом, а недавно сменившийся. Значит, до того, как станет известно, что я интересовался камерами заключённых, больше двух часов. Единственная оставшаяся проблема – тюремщики. С ними не договоришься, надо прорываться. Вызвав мысленно тигра, я передал ему свой план.

На нужном этаже находилась всего одна дверь, но – дубовая, обитая металлическими полосами. Попытки прислушаться к происходящему за ней ничего не дали. Придётся действовать вслепую.

«Пусть все находящиеся за этой дверью крепко-накрепко заснут...»

Отсчитав для верности двадцать секунд, следующим образом я, не мелочась, снёс дверь с петель таранным ударом. И уставился на четырёх солдат, не просто бодрствующих, а абсолютно готовых к бою, с оружием наголо.

Что за?..

Чудом успев завершить образ раньше, чем оказался порублен на куски, я подвесил противников к потолку с помощью чего-то вроде паутины – времени продумывать вещество досконально не было. Слава богу, этот приём на них подействовал.

Что не так, почему они не заснули? А, ладно, потом разберусь.

Времени резко стало очень мало.

Кляпы, мешки на головы стражников – можно двигаться дальше. Из караулки вёл единственный довольно узкий проход. Метры, метры и метры голых, не считая железных скоб с факелами, каменных стен... Дальше по правую сторону потянулись камеры. Больше никаких солдат, на моё счастье.

Камеры были устроены не стандартными квадратами, а в виде уходящих вглубь здания перпендикулярно коридору длинных пеналов с дверьми-решётками из толстых металлических прутьев. Освещение внутри отсутствовало напрочь; непонятно было даже, как тюремщики понимали, какие помещения заняты, а какие пустые. Но как-то понимали, наверное.

Остановившись в замешательстве, я осторожно позвал:

– Эй... инферналка...

Никто не откликнулся. Наверное, стоит снова использовать потенциал?

Но тут за одной из дверей послышался шорох, и знакомый голос произнёс с немалым удивлением:

– Это опять ты?

Отлично, нашлась.

– Я, я. Давай, пошли отсюда.

– Может, сначала дверь откроешь? – то ли недоумённо, то ли саркастично.

– А ты открыть не можешь? Своей силой?

– Давай ты меня сейчас выпустишь, а потом сам сядешь

сюда и попробуешь открыть её изнутри? – вот это уже точно сарказм. Видимо, тюрьмы здесь какие-то особые. Как и местные стражники.

Подёргав туда-сюда решётку, я подумал, что не хочу пытаться взломать дверь, у которой гарантированно есть механизм волшебной защиты абсолютно неизвестного мне действия. Дал мысленную команду: «ключ», – и в руке материализовалась копия того ключа, которым пользовался один из обездвиженных охранников.

– Что дальше? – спросила девчонка, оказавшись в коридоре. Свет факелов заставил её забавно прищуриться.

– Не знаю. Здесь я разобрался, но на воздухе нас могут ждать.

Девчонка пошевелила пальцами. Повертела головой.

Я не успел ничего сказать, как она отвела руку за спину, а затем резко выбросила вперёд.

Бум. В стену перед нами ударил невидимый таран, вынеся нехилый кусок. Отсек наполнился солнечным светом, а через пару секунд до нас донёсся стук выбитых камней о землю внизу.

– Откуда ты знала, что там нет других помещений?

Инферналка пожала плечами.

– Я не знала.

Мда...

– Ждём, – сообщил я, послав приказ тигру.

– Чего?

– Транспорта.

Когда тигр отыскал дыру и влетел внутрь, девчонка, в прошлый полёт находившаяся без сознания, разинула рот:

– Мы полетим на нём?!

– Не хочешь – можешь не лететь.

С непроницаемым лицом инферналка забралась на крылатого зверя и вцепилась в шкуру. Недовольно рыкнув, тот телепатически передал мне:

«– Если у меня останется проплешина после её поездки, я знаю, чем буду завтракать».

«– Не вредничай. Если после меня не осталось, после неё тем более».

Стараясь не думать о том, что впервые опробую такой лихой старт, я сел сзади и дал команду на взлёт. Подойдя к провалу, тигр остановился, поиграл мышцами, а затем оттолкнулся мощным прыжком.

* * *

Император стоял на самом краю площадки с почти полным кубком и смотрел вниз, созерцая скорее своим мысли, чем город. Ветер, усилившийся под конец дня, бил в лицо, но внимание в конечном итоге привлёк не он, а шум – довольно близкий, где-то на территории дворца.

Когда в противоположную от башни сторону, с уклоном вверх, рванул крылатый силуэт, Альден улыбнулся. Не ра-

достно – скорее, устало. Есть такая категория ситуаций: знакомые настолько, что успели надоест, они вызывают внутри единственное положительное чувство – надежду на благополучный исход. Хоть в этот-то раз, ну...

– Удачи, Маркус, – произнёс в пустоту император. – И тебе – удачи.

Глава 2

Потянувшись, я перевернулся на другой бок. Теперь, когда голова освободилась от сонного марева, солнечный свет ощущался уже не как что-то согревающее лицо, а как что-то, бьющее прямо в глаза. Порыв прохладного ветра, проникший под одеяло через образовавшуюся щель, окончательно убедил, что надо подниматься.

Не знаю, чего было больше – пользы от ночёвки на свежем воздухе или вреда от ночёвки на горном ветру. В любом случае, прекращать это занятие я собирался либо когда заболел, либо когда оно просто надоест.

Относительная свобода, имевшаяся у меня в *старом* мире, обрела чёткие контуры. Теперь можно было не доказывать никому свою самостоятельность, даже себе самому. Я просто *стал* самостоятельным. В первую очередь благодаря тому, что окружающие *хотели* видеть меня таким, а проblesки моего прежнего поведения наоборот, воспринимали с недоумением, как что-то неприсущее мне.

Недостойное *князя*.

Постояв несколько минут у перил балкона, наслаждаясь открывающимся видом, я потрепал по загривку тигра, спавшего рядом, и пошёл умываться, предварительно дёрнув за специальный шнурок. На кухню ушёл сигнал: пора подавать завтрак.

Русское княжество раскинулось на всё пространство между четырьмя естественными границами: горными грядами на западе и востоке, побережьем океана на юге и кромкой густых хвойных лесов на севере, протянувшихся до самого центра континента. Стольный град Киев вырос вокруг княжеского дворца и сразу стал ещё и культурной столицей. Экономике велено было продвигать восточной части страны, где «нашлись» специально созданные для этих целей залежи металлических руд. Государство без денежного обмена я делать не стал, потому как, во-первых, стоило сначала набраться хоть какого-то опыта управления, а потом уже экспериментировать, во-вторых, не понимал, зачем это на данном этапе может быть нужно, а в-третьих, в принципе плохо представлял, как оно должно выглядеть. Может, когда-нибудь...

На создание страны у меня ушло три дня. Объяснялся такой малый срок, как я чуть позже понял сам, тем, что по незнанию не учёл некоторые немаловажные моменты, которые ещё два дня пришлось находить и исправлять. К примеру, напортачив в самом конце с потоками энергии, я получил страну, населённую людьми, не способными к умственной деятельности. То ли дауны, то ли зомби... Та ещё прелесть, в общем.

Потом пришлось корректировать модель общественных отношений – убирать из неё преклонение перед князем как перед религиозной фигурой. Если кому такое и нравится, то

лично я не вынес совершенно чуждого эмоционального фона, создаваемого своими подданными. Не хватало манию величия подцепить, на казённом-то государстве.

Приведя себя в подобающий вид, я вернулся в комнату, где застал готовый завтрак: полная тарелка разнообразных бутербродов и большой чайник с чашкой – для меня, блюдо с ломтями сырого мяса, – для тигра, которому у меня никак руки не доходили дать какую-то конкретную кличку.

Кстати, можно уже, наверное, подумать и о визите в Рим. Хотя, раз я закончил раньше... А если Альден сейчас занят? Нельзя же так, меня на конкретное время приглашали – через неделю-полторы. С другой стороны, сидеть и просто ждать ещё целый день тоже не хотелось. Держава построена, отредактирована, наместники назначены, всё под контролем. Может, всё-таки слетать?

Стоя на балконе и завтракая с видом на панораму усреднённо-славянского города, я неспешно взвешивал все за и против преждевременного посещения соседей. В конце концов, если что, можно же и вернуться обратно? Да и полетать охота, моё ездовое животное тоже ведь без дела сидит, только спит по полдня. А вот, кстати, и оно.

Тигр неслышно подошёл сзади и, мурлыкнув проникновенным басом, потёрся о мою ногу, из-за чего я чуть не пролил чай. Зверюга уменьшилась до обычных размеров, но и теперь ненароком снести меня с балкончика ей было раз плюнуть.

Присев на корточки и почесав оба тигриных уха, я сообщил:

– Давай, ешь, а потом полетим в Рим. Десяти минут тебе хватит?

Одной из добавленных зверю возможностей была мысленная связь со мной – детская мечта, знаете ли, понимать язык животных. В то же время это не являлось причиной отказываться от приобретённой в старом мире привычки разговаривать с ними вслух.

Не глядя захватив с тарелки бутерброд, я вышел из комнаты и направился в сторону Тронного зала – старты с балкона стояли в планах не ранее чем через неделю. Или месяц. В общем, пока окончательно не привыкну к новому способу перемещения.

Зал остался на своём первоначальном месте, но претерпел множество изменений. Теперь он был не фундаментом для дома, как это представлялось изначально, а всего лишь одним из внутренних помещений: приобрёл сплошные стены метров десяти, плавно сходящиеся в купол, украсился огромными люстрами, картинами и, конечно же, тронем с ковровой дорожкой.

Жизнь во дворце кипела; в голове до сих пор до конца не укладывалось, что абсолютно всё здесь, включая этих самых людей, созданы мной – для меня же. Сейчас ещё ладно, а в самый первый день, помнится, так и ходил – держась за стены: чтобы каждую секунду, каждое мгновение ощу-

щать под пальцами дерево, камень, стекло – что угодно! Мне чрезвычайно важно было знать, что это реальные предметы, а не миражи.

На крыше Тронного зала разместилась взлётная площадка – для высоких гостей, имеющих воздушный транспорт, да и для меня на первое время. Рядом с площадкой стояла наблюдательная башенка, из которой открывался хороший обзор как на прилегавший город, так и на небо. Не на своём же балконе мне пост стражи держать.

Тигр уже лежал на площадке и слегка иронично глядел на меня. Конечно, ему тарелку сосисок проглотить и долететь от балкона сюда – две минуты, это мне нужно крюк пешком делать.

– Далеко собираетесь, ваша светлость? – склонил голову гвардеец, стоявший у входа в башню.

– Да вот, к соседям хочу наведаться, в Рим, – я забрался на тигра. Ни седло, ни уздечка, ни ещё какой обвес ему, а точнее мне, не требовались: функционально их полностью заменяла шерсть. – Когда вернусь, не знаю, может, сегодня, а может, и завтра.

Гвардеец снова поклонился и отошёл, чтобы не мешать взлёту.

Покрепче ухватившись за шею животного, я мысленно приказал:

«– Полетели, тигрик».

Тигр чуть присел, распахнул крылья и взмыл в воздух, так

резко, что я чуть не слетел. Но вскоре дух захватило от восторга, хотя рук я не разжимал; чувствительность кожного покрова на спине зверя была искусственно снижена, во избежание недоразумений. Сделав круг над дворцом, мы повернули на восток.

Люди на полях и в селениях, замечая наше присутствие в небе, поднимали головы и улыбались. Дети считали своим долгом не только помахать, но и покричать так, чтобы князь обязательно их услышал.

Завести, что ли, тетрадь для записей на тему «Почему хорошо быть монархом»?

Спустя какое-то время внизу потянулись те районы, где мне ещё не доводилось бывать. То есть я знал, где они находятся территориально, потому как видел карту мира в визит Альдена, и представлял, как они выглядят после моих вмешательств в ткань реальности. Но картинка в голове, как выяснилось, и находящееся перед глазами соответствовали друг другу очень частично. Если ты знаешь, как выглядит футбольный мяч, ты его, конечно, узнаешь в конкретной ситуации. Но вот обстановка, как то: футбольные ворота, разбитое стекло, древесная крона, мастерская, спортивный магазин – могут стать большой неожиданностью, как бы органично они с мячом ни были связаны.

Само собой, я крутил головой во все стороны в попытках исследовать всё сотворённое в этой части света и в очередной раз за неделю поражался масштабу приобретённых

способностей. Подумать только, я находился во многих километрах отсюда, сидел пил чай и крутил в голове абстракции – а здесь выросли города, возникали из ниоткуда тысячи людей, расчерчивались на местности поля. Часть мозга, отвечающая за критичность и неуверенность, утверждала, что это обычный самообман: материя не появляется из ниоткуда, наблюдаемое находилось здесь неведь сколько, а я только пришёл и присвоил. «А Дворец?» – спрашивал я в ответ. – «А столица, которой не было, и вдруг – бах, вот она?»

Нет, меня не провести. Это моё, всё моё! Воистину, одно дело слушать на уроке в школе про бабочку, от взмаха крыла которой на другой стороне планеты поднимается цунами, и совсем другое – быть такой бабочкой. Разойтись, бабочка летит, верхом на крылатом тигре! Кто не спрятался, я не виноват!

Хотя, честности ради, городов тут было маловато, преимущественно сёла. А дальше и вовсе начались сплошные степи и луга. Впрочем, далеко на горизонте уж показалась мутно-белая полоска гор, за которыми и находилась цель полёта.

Одновременно с обнаружением горы с двойной вершушкой моё внимание привлёк новый объект. По левой стороне, по другую сторону каменной толщи едва заметно мерцали вспышки красного света. Кажется, не в Риме. Интересно, что там такое? Выглядит очень интересно, надо будет поинтересоваться у Альдена.

Ещё сколько-то метров киноленты размышлений, и тигр начал набирать высоту, чтобы пересечь гряды, не такую высокую, как можно было бы предположить, но выглядевшую устрашающе: светло-серые скалы стеной вырастали из земли и тянулись вверх неприступным заслоном для желающих пересечь границу по земле.

Как только мы перемахнули острые зубья, пространство перед глазами разом заполнил огромный город. Значит, вот так выглядит столица, когда освоишься здесь?

Может, Москву и справедливо звали в своё время Третьим Римом – потому что этот Рим был полностью белокаменным: ни одного здания другого цвета, разве что оттенков. Даже императорский дворец, хоть и отличался от прочих построек, сверху донизу был ослепительно белым. Открывшаяся картина настолько впечатлила, что я решил повременить с поиском места для посадки и направил тигра в широкий облёт.

Римляне знали толк в монументализме; интуитивно угадываемый дворцовый комплекс являлся его апофеозом, но и кроме него достопримечательностей хватало. Например, вдалеке виднелся местный аналог Колизея – как если бы оригинал сделали в форме не цилиндра, а шара с отверстием сверху и вкопали на четверть в землю. Чуть дальше и правее от него зеленел обширный парк, контуры которого были подогнаны под силуэт расправившего крылья орла. А на крышах всех домов, расположенных вдоль главных улиц, свер-

кали составленные из цветных камней узоры.

Предполагаемое заранее ощущение «провала во времени» отсутствовало. Несомненно, античный стиль архитектуры, запомнившийся мне по художественным источникам старого мира, господствовал в воссозданном Риме – но в то же время он странным образом переплетался с естественными лично для меня элементами антуража: здания не ограничивались парой этажей и много где достигали пяти-шести, виднелись фонари уличного освещения. Условно старое и новое соотносились здесь примерно поровну, хотя баланс всё-таки смещали в сторону первого специально сделанные акценты.

Сделав в памяти заметку выпросить у Альдена полноценную экскурсию, я всё-таки отвлёкся от созерцания и стал искать посадочную площадку. Обнаружилась она почти сразу, в одном из внутренних дворов; о том, что это действительно она, можно было догадаться по выложенной мелкой белой плиткой на сером фоне паре распахнутых крыльев.

Снизу уже заметили гостей, и по приземлении к нам подошёл солдат, стоявший здесь на дежурстве. Почти классический римский воин: сегментированные доспехи, шлем с гребнем из чередующихся белых и голубых перьев, копьё в руках и короткий меч на поясе.

– Господин Маркус? – кивнул он. – Если вы ищете императора, то его сейчас нет.

Ну вот, облом.

– А когда он будет, не подскажете? – я попробовал добиться хоть какой-то информации.

– Император отправился на фронт для личного командования войсками.

– Фронт? – удивился я.

Вот это интересно. О том, что здесь ещё и воюют, в вводной не упоминалось. То есть люди, конечно, есть люди, но под разговоры об идеальном мире складывалось другое впечатление.

– В мир пришёл новый агрессор. Объединённая армия поспешила выдвинуться на север. Вы разве не видели молний?

О, значит, эти молнии всё же что-то значили. Только что? Ядерными боеголовками там объединённая армия швыряется, что ли?

– Видел, конечно, но... Я рассчитывал застать Альдена здесь.

Подумав, гвардеец предложил:

– Если хотите, можете отправиться в лагерь. По прямой это займёт где-то через час-полтора. Возьмите курс вон на ту храмовую башню.

– Спасибо.

Пару минут задумчиво побродив кругами, я размял занемевшие с непривычки в полёте ноги и вновь занял пассажирское место. Предстояло отправляться дальше на восток.

Настроение неуловимо изменилось. На заднем плане сознания крутилась мысль повернуть домой и ждать там ново-

стей – однако я уже преисполнился уверенности, что нужно лично всё разведать, а не полагаться на слова других.

Смушал единственный факт, отсутствие какой-либо экипировки. На месте боевых действий не стоило появляться по крайней мере без защиты и оружия. Но, поразмыслив на эту тему, я решил, что, будучи в силах материализовать любой предмет по желанию и при этом не зная обстановки по месту прибытия, смогу подготовиться даже лучше когда узнаю детали происходящего. Вариант вернуться за поддержкой в Киев отпал автоматом: туда-сюда несколько часов, за это время всё сколько-то интересное успеет десять раз закончиться и пропадёт сам смысл куда-то лететь.

Ощущения говорили, что полтора часа прошли, и даже больше, но как я ни вглядывался в перечерченную возвышенностями каменистую местность, никаких войск, да и вообще людей не находил. Сбился с направления? Однако, ещё раз внимательно оглядевшись, я заметил на одном из холмов вдали что-то похожее на человеческий силуэт. Один.

Кто это может быть? Кто угодно, по идее. Начиная от разведчика и заканчивая одиночкой-путешественником. Хм... Путешественником? *Одиночкой?*

Получив по мыслесвязи образ холма, тигр послушно повернул в нужную сторону, и вскоре незнакомца удалось разглядеть более подробно: невысокий, в длинном тёмном плаще, он стоял спиной ко мне и лежавшей поодаль лошади, по всей видимости, мертвой. Сам он меня пока не заметил.

Мы приземлились метрах в пяти за его спиной. Сойдя на землю, я сделал пару шагов – и остановился, поддавшись привычке: не обращать на себя внимание сразу, а будто надеяться, что не придётся ничего говорить и человек сам установит контакт. Отзвук моей стеснительности, наверное.

Зато теперь стала ясна ошибка: незнакомец оказался женского пола, девчонкой лет пятнадцати-шестнадцати, судя по росту. Тёмно-каштановые волосы до лопаток спадали поверх плаща, подобранного в тон, и терялись на его фоне, издавдалека походя на надетый капюшон.

Шанс сыграл: незнакомка, размышляя о чём-то своём, обернулась – и натолкнулась взглядом на меня. Но если она и удивилась, то внешне никак этого не проявила, только уставилась мрачно, почти что злобно. Несколько секунд мы стояли молча, оценивая друг друга. Наконец, я спросил:

– Ты кто?

– А кто *ты*? – ответ, достойный вероятного Одиночки. Значит, этот вариант сохраняется. Хотя немного низкий для женского, даже чуть с хрипотцой, голос плохо увязывался с моими представлениями о Мечтателях, предпочитающих избегать общества. Мне казалось, от них должно было... не знаю, веять таинственностью, что ли. И голоса должны быть соответствующие.

– Ты из Империи? – снова попытался я определить, кого же всё-таки встретил.

Девчонка, по-видимому, сделала для себя какие-то выво-

ды, причём не в мою пользу.

– Ты тоже с ними?

– Нет, – я моментально выровнял крен. Враждебности она не проявляла, но мало ли.

– Тогда зачем они тебе?

– А если я хочу тебе помочь? – сказал я первое, что пришло в голову, лишь бы отвлечь. По скептическому взгляду понял – не удалось.

Что-то происходило.

Что-то не связанное с нашим разговором. Откуда-то чем дальше, тем сильнее накатывало тяжёлое, выворачивающее наизнанку чувство опасности. Сам того не заметив, я переключил внимание и стал искать взглядом источник тревоги. Всё, что выбивалось бы из естественного порядка вещей.

Такое нашлось. Дальше по вершине холма, в нескольких метрах позади незнакомки лежали две тени, предательски высвеченные солнцем – но не испытывавшие от этого никакого дискомфорта, даже несмотря на отсутствие объектов, от которых могли бы отпадать. Мне повезло: я заметил их именно в момент движения. Судя по траектории, направлялись они к девчонке.

То ли догадка пришла слишком поздно, то ли мой интерес оказал провоцирующее действие – в следующие секунды тени резко набрали цвет и приобрели третье измерение, словно два человека выпрыгнули из-под земли. В руках они держали мечи, уже занесённые для удара. Требовалось срочно

что-то предпринять – но голова отказывалась работать.

К счастью, мне хватило инстинктов. Руки естественным движением дёрнулись вперёд, пытаюсь отгородиться от угрозы, а полусознанное желание защититься трансформировалось в необходимую для реальных действий энергию. Вспышка, щелчок – откуда я их помню, по каким компьютерным играм или фильмам?.. – и нападавших швырнуло назад, звучно приложив об землю.

Ошеломление не позволило мне ни развить успех, ни даже просто сосредоточиться, но очень вовремя в схватку вступил тигр. С минимального разбега он ушёл в затяжной прыжок, перемахнул через девчонку, так же ещё не до конца сориентировавшуюся, и повторно снёс убийц расправленными крыльями.

Обернувшись, спасённая охнула: огромное животное увлечённо раздавало когтистыми лапами оплеухи двум воинам в чёрных кожаных плащах с глубокими капюшонами. Суперспособности неизвестных ниндзя явно не ограничивались маскировкой; они как будто не замечали полновесных звериных ударов, раз за разом делая попытки подняться. Мечи их валялись в стороне, то ли не удержанные, то ли специально откинутае тигром.

– Скажи честно, – выдохнул я, – ты бы справилась с ними сама?

Девчонка бросила на меня быстрый взгляд, но ничего не ответила и отвернулась обратно, спрятав глаза. Наверное,

приходила в себя.

Я решил воспользоваться вынужденной паузой и направился к вражеским клинкам. Те были странными, даже сравнительно с движущимися ничейными тенями. Как бы это сказать... Я просто боялся брать их в руки и разглядывал, присев рядом с одним на корточки. Длинное прямое лезвие словно поглощало окружающий свет, но не забирало или растворяло в себе, а *удерживало*, не давая ему выхода. И не светящееся, и не испускающее тьму оружие. *Сумрачный меч*.

– Спасибо, – раздался сзади голос. Неестественно сухой, как будто из него постарались убрать максимум эмоций. – Твой тигр всё равно их не убьёт, максимум оглушит, так что надо ухо...

Она резко замолчала. И через секунду я понял, почему: тоже почувствовал холод стали на своей шее. Рефлекторно дёрнулся встать, но хозяин клинка был готов и мгновенно повернул острие, подтверждая угрозу.

Если возможность того, что кто-то отрубит мне голову, я всё ещё воспринимал с позиции обывателя века электроники, то есть как призрачно-нереальную, то угроза распороть плечо, в лучшем случае до кости, дошла до мозга гораздо быстрее. Я замер на корточках, как сидел.

– Прикажи своему зверю лечь на землю.

На этот раз опасность не почувал даже тигр, гневно зарывавший только когда его в миг окружили четыре воина, точ-

но таких же, как лежавшие на земле, и точно так же вынырнувшие из ниоткуда. Конец подкрался незаметно...

Целых шесть концов, если считать и того, который сейчас стоял возле девчонки.

Следуя голосу явно уверенного в положении дел человека, я мысленно послал тигру просьбу успокоиться и лечь, но быть в полной готовности.

– Нармиз, стой! – послышался вдруг знакомый голос. Я неверяще поднял голову: на огромной скорости, не в пример первому визиту в мой Дворец, к нам мчался верхом на голубе Альден. – Это же Маркус!

Меч на моём плече не шевельнулся ни на сантиметр. Неохотно, но я последовал его примеру.

Император провёл птицу над самой землёй и, судя по звукам, лихо спрыгнул на землю с высоты пары метров. Для меня его манёвр остался тайной, но не то чтобы это волновало меня в первую очередь, учитывая обстоятельства.

– Новичок? – поинтересовался стоящий за спиной.

– Да! Он свой! – отозвался Альден.

– Ну-ну.

Император снова появился в поле моего зрения, чуть запыхавшийся и со следами земли в нескольких местах. На автомате спросил меня:

– Ты в порядке? – затем переключился на Нармиза: – Что здесь произошло?

– Он напал на моих солдат, защищая инфернала, – отве-

тил тот.

Повисла напряженная тишина. Судя по переменившемуся выражению лица Альдена и наблюдаемой на нём работе мысли, почти состоявшееся спасение готовы были отменить.

– Марк, ты действительно напал на гвардейцев Братства сумрака? – осторожно поинтересовался он.

– Я оборонялся.

– Ложь, – всё тот же уверенный голос сзади.

– Подожди, Нармиз, – махнул рукой Альден. – В смысле, оборонялся? На тебя напали?

– На нас.

– На инфернала, – спокойно поправил обладатель сумеречного клинка.

Помолчав ещё немного, Альден вздохнул:

– Марк, я не всё рассказал тебе об этом мире...

– Да уж, – согласился я, покосившись на сумеречный клинок.

– Это моя вина, Нармиз, он здесь не при чём. Я не...

– Потом, – оборвал его глава Братства.

Император замолчал и развёл руками, видимо, не находя нужных слов. Зато меч неожиданно убрался от моей шеи, и я получил, наконец, возможность встать и рассмотреть второго Правителя.

Достаточно высокий, выше меня. Чёрный кожаный плащ до колен и с капюшоном, почти такой же, как на солдатах, но чуть изменённого покроя. Менее средней длины уголь-

но-чёрные волосы, зачёсанные назад. И тёмно-зелёные жёсткие глаза, которые внимательно рассматривали меня. Колоритный персонаж, нечего сказать, хоть и единственным, что на его лице выражало эмоции, были губы. Как маска, только интерактивная: эмоции сменились – губы поменяли положение, и снова всё застыло. То ещё зрелище... Я чуть не вздрогнул, когда его лёгкая ироничная усмешка плавно, почти механически перетекла в холодное безразличие.

– Не надо бросаться в бой, не разобравшись в ситуации. Можно и пострадать.

Сейчас он говорил отстранённо, как будто зачитывал правила поведения на мероприятии. Поморщившись, я не ответил и обернулся к Альдену:

– Надеюсь, ты дорасскажешь всё необходимое?

Император хмуρο кивнул:

– Да, чуть позже. – Он снова обратился к главе Братства: – Я отвожу своих? Или ты пойдёшь дальше?

– А смысл? – Нармиз прошёл мимо нас и остановился на краю возвышенности, у обрыва метров десяти. – Инфернала, я так понимаю, ты опять забираешь?

Бросив взгляд на меня, Альден ответил:

– Да, пока побудет там.

– Ладно. Обсудим позже.

Нармиз махнул рукой. Гвардейцы Братства подхватили своих раненых товарищей, подошли к командиру – а затем вся их группа исчезла. Там, где они находились, остались

только покинутые хозяевами тени, которые вскоре помутнели и растворились, будто впитавшись в землю.

Из мыслей меня выдернул звук удара. Рывком обернувшись – нервы после случившегося были на взводе, – я увидел осевшую на землю девчонку и Альдена, стоявшего за её спиной. Вздохнув, император пояснил:

– Такие дела. Нашу гостью повезёшь ты, ладно?

Продавив слюну через судорожно сжавшееся горло, я кивнул.

Глава 3

В Киев мы прилетели затемно.

Город уже спал. Даже не люди, его жители, а сам город. При взгляде на него сверху возникало странное чувство. Если днём он бурлил типичной жизнью счастливых людей, то к ночи он становился похожим на старика, ложащегося после тяжёлого дня на кровать, говоря: «Не для меня это. Совсем не для меня». Траурным его нельзя было назвать, но... Кажалось, что он затихает на ночь не спокойным, мягким сном, чтобы утром снова начать жизнь, а засыпает с тоской по самому себе.

Хотя, наверное, на моём восприятии просто сказывалось нервное напряжение. Откуда такие сложности у городской массы, созданной несколько дней как?

Тигр пошёл на посадку, направляясь к Тронному залу, но я, передумав, направил его на балкон своих покоев. Пролетев над перилами прямо в комнату, зверь приземлился и широко зевнул – налетался за сегодня. Девчонку, которая, в отличие от меня, чуть не задремавшего по дороге, была до сих пор бодрой, как ветром сдуло с непривычного ей средства передвижения, и, встав подальше от него, она тут же начала осматриваться. Я потрепал тигра по холке, неторопливо слез и щёлкнул пальцами; комната осветилась, хотя никаких явных осветительных приборов в ней не было. Девчон-

ка от неожиданности дёрнулась, вызвав мой недоуменный взгляд.

– Ты чего?

– Свет. Как это он?..

Я машинально вздохнул.

– Ты что, не осваивала возможности дворца?

Вместо ответа меня стегнули злым взглядом.

Однако освоилась она очень быстро, перейдя к непосредственному изучению вблизи всего интересующего в моей небогатой обстановке. Я тем временем по мысленной связи послал тигра на нижнюю кухню поискать еды, куда он отправился снова через балкон, а сам завалился на кровать – поперёк, потому как спать сейчас не собирался. Нужно было подумать о дальнейшем проживании гостыи.

– На ужин мы успеем или теперь ждать до завтрака? – отвлёк меня от размышлений голос, в котором тонко сочетались небрежность и требовательность.

– Вообще, до завтрака. Но можешь попросить тигра принести тебе что-нибудь с кухни. Его там любят и кормят в любое время суток.

– Это же животное. Как его можно о чём-то просить?

Я усмехнулся. Буквально через минуту в комнату снова влетел тигр, с мотком сосисок, обёрнутым вокруг шеи, и с батоном в зубах. Подойдя ко мне, он негромким рыком попросил разгрузить добычу. Девчонка смотрела на всё это круглыми от удивления глазами, но от комментариев воздер-

жалась.

Почесав зверя за ухом, я отвязал от его шеи записку – видимо, повар комментировал мой режим питания, – оторвал несколько сосисок, отломил хлеба и передал еду гостю.

– Правило первое. Доброе отношение чувствуют даже животные. И благодарить они тоже умеют. Приятного аппетита.

Девчонка ничего не ответила и предпочла сразу переключиться на еду.

Мы с тигром поделили оставшееся и переместились на пол: я облокотился о кровать спиной, а зверь улёгся рядом. Все сидели молча, думая каждый о своём.

Наконец, я решил:

– Сегодня спать можешь здесь или на балконе. Создать тебе отдельную спальню я уже не натянусь.

– Ладно.

Снова потянулось молчание.

* * *

Закончив есть, девчонка собралась, было, расспросить своего странного спасителя обо всём произошедшем, но увидела, что тот уже спит. Прямо на полу, не раздеваясь.

– Перерыв! – радостно объявил я, заметив спустившуюся в Тронный – по совместительству фехтовальный – зал гостью.

Николай, учитель фехтования, на секунду остановился, бросил беглый взгляд на посетителя и продолжил неспешную прогулку вдоль пар спаррингующих.

– Перерыв будет позже, ваша светлость.

– Перерыв! – возмутился я.

– Тридцать ударов дополнительно.

– Ох...

Я рассуждал так: раз потенциал не бесконечен, нужно уметь защищаться без него. Причём так, чтобы это не выходило за рамки... ну, хотя бы здравого смысла. Странно будет выглядеть, если армия с холодным оружием, а князь – с пистолетом на поясе.

Да, с пистолетом больше шансов выжить в непредвиденной заварушке. Но – именно что выжить, то есть если дело примет совсем неприятный оборот. В то же время занятия по фехтованию улучшают общую физическую подготовку, которая будет нужна гораздо чаще.

Гостья стояла у дверей и с интересом наблюдала за происходящим. Пожалуй, ей неоткуда было знать про Тронный зал – а догадку мог подкинуть только трон, неприка-

янно стоящий в противоположном конце. Всё остальное терялось за стойками с деревянными мечами, щитами, шлемами, выставленными в квадрат и образующими «рабочую» зону. По одной из его сторон расположились аутентичные соломенные чучела на шестах, модели вражеских солдат, я не смог отказать себе в них.

Закончив с упражнением, я выкроил несколько минут передышки и подошёл поздороваться:

– Доброе утро.

– Может, и доброе, – девчонка окинула меня задумчивым взглядом и чуть развернулась, продолжая наблюдать за другими учениками и одновременно держа меня «в прицеле».

Не дождавшись продолжения, я спросил:

– А чего так мрачно?

– А есть чему радоваться?

«Радуйся, что утро встречаешь не в камере», – пронеслось в мозгу. Сделав над собой усилие, я погасил вспышку раздражения.

– Конечно, есть. Подойди вон к тому мужчине, Николаю, он тебя быстро развеселит. Фехтовать умеешь?

– Ага. И на лошадях ездю с детства, и на балы с восьми лет.

В ответ на мой недоумённый взгляд девчонка фыркнула:

– Это вам здесь делать нечего. А там, где жила я, ты бы про фехтование вспомнил в последнюю очередь.

– Интересно, – я опёрся на меч. Хоть и деревянный, но крепкий, сломаться не должен. – Как-нибудь потом обсу-

дим. И всё же, не хочешь потренироваться?

– Я не умею.

– Я тоже. Вот, только сегодня начал.

Сомнения заняли ещё несколько секунд. Наконец, девочка кивнула:

– Ладно, показывай.

Отлично, появился интерес к жизни. Так будет легче узнать о ней больше.

* * *

Забрав из обеденного зала миску с пирогами, я брёл к себе наверх, попутно размышляя. Инферналка оказалась не такой уж непонятной: обычная девочка своих лет, ничего особенного. Чуть более агрессивная, чем другие по моему опыту, но и только.

Если ориентироваться на вводную информацию – где-то здесь и начиналось коренное отличие инферналов от обычных людей. Так что следовало вести себя осторожно, всё не спеша раскрутить и проанализировать.

Проснувшись утром и по привычке выйдя на балкон, я нашёл гостью там, спящей на диванчике. Означало ли это исключительно тягу к свежему воздуху? Сил создать второй диван в комнате у неё точно хватило бы. Возможно, она просто-напросто постеснялась спать в одной комнате со мной, но в чём-чём, а в стеснении её сложно было подозревать, гля-

дя на поведение в бодрствующем состоянии.

Осторожно толкнув ногой дверь в комнату – руки были заняты тарелкой, а ввевшиеся привычки не позволяли звать кого-то из прислуги, – я остановился. Здесь меня поджидал сюрприз.

По письменному столу разгуливал голубь. Типичный почтовый: белый, гордый, нетерпеливо пересекающий поверхность туда-обратно. На левой лапе была видна капсула с посланием.

– Альден, – догадался я.

Объявления войны или чего-то подобного я не боялся – император не выглядел человеком, способным на такие шаги. В том смысле, что... Да, наверное, в любом из смыслов. Сейчас, более спокойно оценивая вчерашние события, я точно мог сказать: одним из фактов, выбивших меня из колеи, было то, что Альден вообще способен воевать. Ну, не выглядел он подходящим для этого. Мечтатель мечтателем, по-другому не скажешь.

Но война войной, а посылать войска на неприятную, но привычную операцию, руководствуясь принципом меньшего зла, это не то же самое, что идти в священную войну за нанесённое оскорбление. Да в чём тут оскорбление, если подумать? Я же не наложницу его украл. Он представил свою позицию, я с ней не согласился и повёл себя исходя из этого. Согласен, повёл достаточно радикально. Но всё равно!

– Не буду читать, – сказал я голубю. – Ничего хорошего

из этого не выйдет. Лучше отнеси обратно, потом обсудим.

Птицу озвученный вариант не устроил, она требовательно ухнула и пару раз хлопнула крыльями. Вытянула вперёд лапу, мол, давай, никуда ты от этого не денешься.

– Ладно, черт с тобой, потом прочитаю.

Бумажная лента, находившаяся в капсуле, при извлечении из неё мгновенно развернулась и превратилась в новенький конверт без единой складочки. Видимо, внутри него и лежало письмо. Оригинально, ничего не скажешь.

Освобождённый от своего послания, голубь царапнул лапой по столу, словно расшаркиваясь, и вылетел в арку балкона. Я повертел конверт в руках, бросил его на стол и сел на пол, оперевшись спиной о кровать.

Уверенность в собственной правоте, несмотря на выстроенную базу доказательств, таяла.

Он же прямо сказал: ничего не выйдет. Другие уже пытались. Инферналы не меняются, это сложившиеся личности.

Значит, единственное, почему я украл у него пленника, – желание показать собственные силы, продемонстрировать независимость? Так, что ли, получается? Ведь и правда, я здесь всего неделю, он – не знаю сколько, но куда больше. При этом я обижаюсь на систему и иду доказывать, что сильнее её.

А, не важно.

Пускай – неделю. Пускай – против системы. Может, именно я, человек с незамыленным взором, смогу, наконец, сде-

лать из инфернала нормального Правителя. Не знаю, как начинали другие, но у меня сейчас очень неплохие условия: первое доверие уже завоёвано. А дальше нужно только опираться на интуицию.

* * *

В следующий раз я оказался в своей комнате под вечер – гоняли меня и мою гостью практически весь день, вымотав до последнего. Оно того стоило: сравнивая состояние до и состояние после, можно было без особого труда вывести несколько параметров, на которые один день тренировок повлиял сильнее, чем годы наблюдения драк на телеэкране. Как шли дела у инферналки, я особо не следил, но предполагал, что примерно так же.

Стоило, кстати, сходить к ней, навестить. Уже вторые сутки знакомства, а мы так и не пообщались нормально. Переодевшись из костюма для тренировки в рубашу и штаны, которые постепенно становились новой повседневной одеждой, я направился в созданную сегодня утром гостевую комнату.

На стук никто не ответил. Войдя, я увидел девчонку, распластавшуюся на кровати раскинув руки; судя по всему, силы у неё закончились чуть раньше, чем у меня, сразу после переодевания.

– Больно? – самый глупый вопрос после первого дня фи-

зических нагрузок.

– В самый раз, – отозвалась инферналка.

– Для чего?

– Для переключения.

Где-то здесь неподалёку висела тема осознания перехода между мирами. Но переходить к ней было, пожалуй, рано.

– Как тебя зовут? – поинтересовался я, устраиваясь на диване у противоположной стены.

Девчонка села, опёрлась на выставленные назад руки.

– Настоящее имя или обрётённое?

– Какое хочешь. Главное, чтобы ты на него отзывалась.

– Ора.

– Маркус, – хмыкнул я, нервно махнув рукой. Представ-
ляться таким образом ещё предстояло привыкнуть.

– Будем знакомы.

– Ты всегда такая мрачная?

– Я нормальная.

– Хорошо. Для тебя всегда норма – мрачность?

Губы инферналки изогнулись в усмешке:

– Только когда вокруг начинается непонятная хрень и от-
крываются проходы между мирами.

– Ты расскажешь?

– Что?

– Как появилась здесь.

На мой взгляд, для этой темы всё равно было рано, но раз она сама к ней подводит, то почему нет.

Об обстоятельствах прихода в этот мир Ора рассказывать не захотела, как и о самом процессе. Отделалась несколькими фразами, что сначала «приколы с физическими законами видела» и «получила информацию о происходящем». Напрямую я про Хранителя спрашивать не стал: не хочет – пусть не говорит.

Её Тронный зал появился на равнине. Огромный зелёный простор, лишь где-то вдали виднелись возвышенности. Где это место находится, она не могла сказать, потому как не знала карты мира. Первое, что она сделала, вырастила под Тронным залом высокий холм с отвесными краями с трёх сторон, окружила его для верности скалами и построила там Дворец. Разбираться, однако, в его возможностях не стала, а начала создавать армию.

– Армию? Но зачем? – удивился я.

– Я явно не одна такая, которая переместилась. А какой сюрприз могут готовить старики для новичков? Собственно, я оказалась права.

Действительно, вскоре Ора заметила на горизонте подозрительное пятно, в котором по мере его приближения опознала чужое войско. Её собственные отряды уже были готовы, так что не теряя времени она двинулась навстречу.

– Подожди. Ты так быстро создала экипированную армию?

– А в чём проблема?

– Ну, тактика, там... вооружение. Это всё надо знать.

– Ты книги читаешь? – усмехнулась девчонка.

– Конечно. А...

– История? Научная фантастика?

– Эти – нечасто, – признал я. – Хочешь сказать, ты вспомнила их и использовала накопленный до тебя опыт?

– В какой-то мере. Во время чтения постоянно ведь представляешь себе, как бы выглядела твоя собственная армия, во что и как одета, чем вооружена. Вот я всё это и реализовала.

Как просто, оказывается... Хотя навскидку я не помнил ни одной книги, к которой подходил бы в процессе чтения с такой стороны.

Инферналка взяла командование в свои руки. Полководец из неё получился, по её словам, ничего так, но сказало отсутствие практического опыта. Когда большая часть войска была потеряна, Ора попыталась бежать, за ней вдогонку устремились какие-то серые рыцари, нырявшие в тени. Может, и удалось бы уйти – отряд, прикрывавший её, связал преследователей боем, но вскоре под ней пала лошадь.

– А создать новую?

Ора поморщилась:

– Не удалось.

Ясно, за эти несколько часов потенциал полностью истощился.

Спутанные моменты в картине событий ещё остались, но их стало гораздо меньше, и это не могло не радовать.

Теперь, наверно, нужно начинать воздействовать?..

– Да, здесь ты была права, – задумчиво произнёс я. – А... если бы врагов не было и на тебя никто не напал? Что бы ты стала делать?

– В смысле? – девчонка подняла брови.

– Ну, мне кажется, ты очень категорично воспринимаешь людей. Как будто все только и ждут возможности напасть на тебя.

Ора посмотрела на меня, как на идиота:

– Если на меня и правда напали сразу по приходу, о чём мы говорим?

– Это другое. Если бы никто не напал, ни сразу, ни потом, ты всё равно сначала создала бы армию?

– Ну да.

– И ход мыслей остался бы прежним?

– Да. К чему это сейчас?

– То есть ты, не зная тех людей, которых здесь встретишь, заранее думала о них плохо.

– Люди одинаковы, – безразлично пожала плечами Ора. – И опять же, потом это подтвердилось.

– А вот и нет. У меня армия отсутствует как таковая. Её не существует, потому что незачем.

– Ну и зря. Сколько здесь стран?

Вспомнив всё, что успел запомнить из аналогичного разговора с Альденом, я переместился на угол кровати, создал лист бумаги и карандаш и начал воспроизводить физиче-

скую, а следом и политическую карту. Не стал рассказывать только про Отшельников.

– Итак, что мы имеем. – К концу небольшой лекции я заметил, что спор пробудил в инферналке новые силы. Совсем приближаться она не стала, сидела напротив, скрестив ноги и опираясь локтями в колени, и тыкала пальцем в лист: – У империи, у Братства армии есть. В Гирсте, считай, всё население может воевать. Про Фор-Корст ничего не известно, про эльфов ты тоже не знаешь. Получается, как минимум в половине стран есть боевая основа.

– Вполне подходящая пропорция, – попытался настоять я. – Если ты думаешь, что сто процентов людей злые, то отсюда следует деление по крайней мере пятьдесят на пятьдесят.

– О делении можно говорить, когда есть полная информация. А сейчас выходит, что я права.

– Права в чём? Что всем надо вооружаться и сидеть внутри границ, нацелившись друг на друга?

– Хочешь мира – готовься к войне. Слышал такое?

– Всего мира? – огрызнулся я.

Ора приподняла бровь. В её голосе появились новые, снисходительные нотки:

– Чтобы просто быть в безопасности, её нужно сначала обеспечить.

– Закон джунглей?

– Ага. Каменных.

Только в этот момент я понял, какой смысловой пласт упустил в разговоре.

Альден же объяснял, что инферналы становятся такими не по своей воле, а под влиянием соответствующего окружения. То есть мои попытки повернуть Ору в сторону альтруизма наталкивались на каменную стену её опыта бытового общения.

Интересно, она успела прийти к мысли, что я зажавшийся мажор и нам нечего обсуждать, или ещё нет?

– Извини, – я примирительно поднял руки, – я не должен был так говорить. Мне тяжело воспринимать это, потому что... В общем, в этом мире всё сложно. С одной стороны, здесь каждый реализует свой идеал. Всем хватает места и совершенно не нужно воевать. С другой, есть люди, которые постоянно вносят разлад и провоцируют всех на взаимное уничтожение...

– Я никого не провоцировала! – рявкнула Ора. От спортивного азарта не осталось и следа, теперь от неё исходили практически осязаемые волны агрессии. – На меня напали сразу после перемещения, безо всякой причины!

– Ты бы сделала то же самое! – по наитию я пошёл в ответную атаку и тоже перешёл на крик. – Представь, что ты несколько лет живёшь в мире и порядке – и вдруг приходит новый человек, который гарантированно разрушит это и создаст колоссальные неприятности! Ты бы тоже нанесла первый удар, если бы это позволило всего избежать!

Инферналка скривилась:

– В мире и порядке я бы померла от скуки. И потому никому бы не стала мешать – пусть живут как им нравится, хоть какое-то движение будет.

– И после этого ты возмущаешься?!

– Не поняла?! – Ора действительно пропустила момент, когда нанесла удар по своей же позиции в споре.

– Тебя абсолютно не волнует сохранение мира и порядка, потому что тебе в них некомфортно, но при этом ты строишь из себя невинную жертву, на которую безо всякой причины напали сразу по приходу в мир. Тебе не кажется, что ваш конфликт поворачивается другой стороной? Оказывается, не злые старики напали на новичка, а столкнулись две стороны с противоположными взглядами на жизнь.

Это было совершенно не то, что я собирался сегодня доказывать ей, – но ощущение лёгкой победы влекло вперёд, призывая не тратить время на раздумья.

– И что из этого? – процедила Ора.

– Ничего. Просто признай, что принцип «не я такая, жизнь такая» здесь не работает. Наоборот, ты человек с собственной позицией, а ваш конфликт основан на расхождении твоих взглядов и других людей.

– Если тебе от этого станет легче, можешь считать так. А сейчас я хочу спать, так что до завтра.

– Ладно. Спокойной ночи.

Оказавшись за дверью, издавшей характерный щелчок за-

крывающегося замка, я постоял немного, разбираясь в собственных мыслях, и не спеша отправился в обратную дорогу.

Ни в школе, ни тем более в интернете не было возможности посидеть вот так поспорить с кем-нибудь, имеющим достаточно организованное мышление, так что я сейчас ощущал себя удивительно умным.

С другой стороны, с точки зрения конечной цели, которая ставилась изначально, было совершенно непонятно, что делать дальше.

* * * * *

Я открыл глаза. Тьма вокруг, почувствовав, что я ожил, сгустилась, наблюдая, подобно приготовившемуся к прыжку дикому зверю. Однако жертва не двигалась, и вскоре она успокоилась и снова мягко растеклась по комнате. В этом мире всё было живым...

Продолжая лежать с открытыми глазами, я не думал ни о чём. Через какое-то время первая мысль все-таки не выдержала и осторожно коснулась сознания, породив в нём одно слово.

«Тьма...»

Снова затишье.

А затем мозг, проснувшись позже всех остальных органов, начал новый мыслительный процесс.

Было и правда, необычайно темно. Странно, ведь ещё

прошлой ночью светила луна, а сегодня её будто совсем с неба убрали.

Да в своём ли я мире?

Тёмной же вспышкой меня пронзил страх, и я резко сел, дико озираясь. Стол, шкаф, шторы... Нет, не может быть... Прищурился – удалось различить в постепенно рассеивающейся мгле более мелкие вещи. Меч в углу, сапоги, валяющиеся у кровати, плащ на стуле, переплетения рисунка на шторах...

Ох, господи...

Я с тихим стоном повалился обратно на кровать. Да, всё нормально, это мой мир. Это всё моё, я действительно здесь, ни в каком не сне.

Дома.

Однако, полежав ещё немного, я понял, что не хочу спать. Тоже странно, если так посмотреть... Весь вчерашний день меня гоняли, вконец измотали непривычной пока тяжестью тренировки. А тут – проснулся среди ночи, хотя, по идее, должен спать до утра как убитый.

И тут тёмная волна накатила снова: я вспомнил, чем закончился вчерашний день, – и понял, что теперь точно не засну.

Слез с кровати, нащупал и надел сапоги, накинул прямо на голое тело плащ и пошёл на автомате туда, куда тянуло больше всего, – на свежий воздух, на балкон.

Снаружи тьмы было ненамного меньше; только благода-

ря скудному освещению, идущему от города вниз, угадывались очертания перил балкона. Сверху навалился космический мрак, а облака, выделявшиеся даже на его фоне, казались вообще кусками, вырванными из первозданной Бездны.

«Интересно, если бы я умел ориентироваться по звёздному рисунку, сумел бы понять, где нахожусь?»

«Вряд ли это другая планета».

«А вдруг?»

«А мне это нужно?»

«Нет. Я дома».

Правда, в этом доме ещё предстояло навести порядок...

Ума не приложу, что делать с Орой. Вчерашний разговор не дал никакого положительного результата, более того, я загнал ситуацию в тупик, морально узаконив войну за веру. Есть два лагеря, инферналка – в одном, все остальные – в другом. Хочешь жить, умей вертеться.

Она правильно начинала рассуждать: иметь армию здесь в порядке нормы. Но весь вопрос в том, как её использовать. Для защиты – хорошо. Для нападения... по моим вчерашним рассуждениям получается, что – тоже хорошо, если за идею.

С другой стороны, у меня не стоит задачи перековать инфернала в священника: избавить его от гнева, зависти, гордыни, и так далее. Только научить мирно сосуществовать с прочими обитателями этого мира. Хочет воевать – пускай воюет, главное, чтобы в меру и помимо этого он знал другие

способы занять себя.

Отличной тактикой было бы подружить Ору со всеми Правителями, исходя из логики, что между друзьями возможны ссоры, но не войны. Однако, если я правильно понял её интонации во время разговора, у неё понятие друзей своё, не совпадающее с моим. То есть попробовать-то можно, но гарантий никаких...

Надо увлечь её чем-то. «Переключить», как говорит она сама. Не знаю, сколько времени на это потребуется, неделя, месяц, год, но нужно, чтобы она попала в обстановку, где не действуют правила, к которым она привыкла. Научить человека жить по-новому можно только после того как он сам понял, что не может жить по-старому.

Спать не хотелось, и я ещё довольно долго стоял на балконе, разглядывая ночное небо, раскинувшийся под ним город и думая о завтрашнем дне.

В какой-то момент взгляд зацепился за один из храмов, разбросанных по разным частям города. Каждый из них окружала небольшая парковая зона, открытая в дневное время для прогулок горожан; да и в ночное, по факту, тоже – оград всё равно не имелось. Правда, в ночное они выглядели скорее зловеще, чем привлекательно: густые мрачные лесополосы, из которых поднимались малопонятные силуэты с заострёнными верхушками.

Прикинув, что хотел бы видеть, я стал составлять образ. Деревья одного из парков проявились калейдоскопом оттен-

ков – между веток повисли фонарные шары из цветного стекла, соединённые между собой флюоресцирующими лентами. «Волна» перекинулась на соседний парк, оттуда на прочие, и вскоре существенная часть города преобразилась, приобретя таинственно-сказочный вид.

До того, как возникла сонливость, как раз хватило времени постоять полюбоваться сделанным и прикинуть план будущих действий.

* * *

С довольной усмешкой я помог противнику подняться. Обменявшись дружескими хлопками по плечам, мы повернулись к Николаю.

– Отлично, Маркус, – учитель улыбнулся. – Хоть с техникой у вас пока не ладится, ловкость на подходящем уровне.

– Техника дело наживное, – довольно улыбнулся я. – Да и, в любом случае, прогресс есть.

– Это да. Но я бы посоветовал ещё и завтра потратить пару часов на тренировку.

– Пару?..

– Завтра воскресенье, занятия не будет, – Николай усмехнулся. – И мне кажется, я сделал ошибку, что напомнил об этом.

Вместе с остальными учениками я направился в соседний зал на ужин, по дороге снова уйдя в мысли.

Выходной это хорошо. Надо подумать, как его провести с максимальной пользой, если не для государства, то для себя. Но это потом, до того – предстоит второй разговор с Орой. Чутьё подсказывало: то, что она сегодня пришла на тренировку на несколько часов позже и ушла несколькими ранее положенного, следует трактовать как предрасполагающий факт, потому как он умещался в модель поведения несобранного, но зато не затаившего на меня обиды человека.

Вопрос о том, какую роль в определении моих действий должно играть предвзятое чутьё, я решил отложить до лучших времён.

* * *

– Ага, – донеслось из-за двери в ответ на стук.

В комнате появился новый предмет мебели, из тех, которые я увидеть никак не ждал, – зеркальный уголок для наведения макияжа. Это было довольно странно: в моём восприятии Ора и косметика не пересекались, пожалуй, никак, в первую очередь в силу создаваемого ей самой образа.

Причём она продолжала его придерживаться: перед уголком стоял небольшой крутящийся стул со спинкой, с которого инферналка закинула ноги на свободный край тумбы и за счёт этого больше походила на офисного менеджера, чем на светскую даму.

– Чего застыл? – весело поинтересовалась Ора, не отвлекаясь от процесса. Она явно была довольна произведённым впечатлением.

– Не думал, что тебя что-то связывает с макияжем.

– Его сложно любить, когда на него нет денег. Зато когда можно создать всё что угодно по щелчку пальцев – пуф!

Инферналка в самом деле щёлкнула пальцами и одна из баночек выстрелила вверх клубом белой пыли, похожей на пудру. Я усмехнулся: кажется, она не играла, а с искренним интересом осваивала новые возможности.

– Ты опять поболтать пришёл?

– Ага. У меня полно тем, которые хотелось бы обсудить.

– Ну, выкладывай, – Ора безжалостно стёрла всю нанесённую на лицо краску, вернув прежний вид, развернулась и выжидающе уставилась на меня. Сев на диван, я попытался подобрать слова для плавного вступления, но потом плюнул и перешёл к сути:

– Можешь рассказать, как для тебя воспринимаются друзья?

– О! – удивилась инферналка, садясь поудобнее и закидывая ногу на ногу. – А в чём дело?

– Меня этот вопрос в целом интересует. Что для тебя значат друзья, как ты их определяешь для себя?

Готовый ответ у Оры отсутствовал, и неудивительно. Подумав, она решила:

– Друзья это те, с кем есть какая-то общая деятельность.

– Так просто? – удивился в свою очередь я. – А как же эмоции, всё остальное?

– Ну, нормальная деятельность подразумевает, что оба участника получают от неё удовольствие. Иначе это так, партнёрство.

– А готовность пойти на уступки? Или когда люди сохраняют верность дружбе спустя несколько лет отсутствия общения?

– Расчёт, – сходу отбила инферналка. – Если взаимодействие с кем-то доставляет гораздо больше удовольствия, чем требует сил, можно пойти и на небольшие жертвы – всё равно потом наверстаешь.

Я задумался:

– Вот смотри. У меня была знакомая парочка, две девчонки из одного класса. Одна командовала другой, причём довольно жёстко, безо всяких угрызений совести. А та постоянно прогибалась, даже в довольно глупых ситуациях. Это, по-твоему, дружба?

– Если обеих всё устраивало, то да, – пожала плечами Ора. – Не вижу в данном случае проблемы.

– Но ведь вторая не получала от этого взаимодействия ничего! Ею помыкали как хотели, ничего не давая взамен.

– Это с твоей точки зрения. А она сама была довольна?

– Ммм... не знаю.

– Хорошо, посмотрим на это с другой стороны, – инферналка вещала как заправский психолог, и даже не верилось,

что вчера она попала в собственную логическую ловушку. – Если бы ей было плохо в этих отношениях, зачем бы она в них находилась?

– Инерция, – предположил я. – Твоя теория расчёта основывается на идее, что люди полностью осознают и контролируют своё поведение, а...

– С фига ли? Расчёт он и в Африке расчёт, хоть осознаваемый, хоть нет.

– Так разве может быть?

– Может, может. Я тебе больше скажу: девяносто девять процентов людей – полнейшие бараны, которыми можно крутить как угодно. С полного их согласия.

– Эм... – я замялся. – Может, оставим эту тему на другой раз? Чтобы не перескакивать. Это всё интересно, но...

– Ладно. Что у тебя дальше?

– Погоди, дай разобраться. Получается, твоё понятие дружбы не включает равноправие? Взаимное уважение?

– Каким боком тут вообще равноправие? Ты не путаешь дружбу с чем-то другим, не?

Складывалось впечатление, что инферналка издевается. Или – она в самом деле так мыслит?..

– Ну, допустим. А как ты определяешь врагов?

– Враги они и есть враги, – Ора подняла глаза вверх, то ли вспоминая что-то, то ли размышляя. – Это те, кого надо подавить или уничтожить.

– Но это не постоянный круг? Новые враги тоже появля-

ются?

– Ну да. Слушай, к чему это всё?

Я развёл руками:

– Мне интересно понять, как ты воспринимаешь мир.

Инферналка бросила на меня скептический взгляд:

– Когда-нибудь я тебе тоже такой допрос устрою.

– Идёт. Так что, откуда у тебя появляются враги?

– Да ниоткуда. Случается что-то, что сталкивает с другими людьми и превращает их во врагов.

– Эээ... – Подумав, я решил на всякий случай уточнить: – Ты же не хочешь сказать, что у тебя все делятся на друзей и врагов?..

– Нет, конечно, я что, больная? Бывают... ну, просто соперники.

– И как они определяются? Это враги в первой стадии?

– Нет. Просто обычные люди с противоположными целями.

– Которых не обязательно уничтожать, правильно?

– Иногда с ними даже можно сотрудничать, – согласилась

Ора, – если контролируешь происходящее.

– Это те самые партнёрские отношения?

– Ни разу. Партнёры это люди, с которыми у тебя общие цели, с ними сотрудничать можно и нужно. А у соперников цели противоположны твоим. Их надо использовать только там, где интересы не пересекаются.

– Ага, понятно.

Инферналка снова упёрла в меня выжидающий взгляд, подложив под голову локоть. Вникнув в услышанное, я продолжил:

– У меня появился вопрос, если позволишь.

– Ну.

– В твоей картине мира люди делятся на четыре основные группы – друзья, партнёры, враги и соперники. К какой из них, по твоему мнению, следует отнести местных Правителей?

– Так и знала! – Ора всплеснула руками. – Опять проповедовать мне будешь!

– Проповедовать – не буду, – заверил я, – но разобраться в твоих взаимоотношениях хочу. Мне, в конце концов, здесь тоже жить и я хочу знать, кто к кому каким образом относится.

– Надоел. Я скажу, как к ним отношусь, и больше мы эту тему не поднимаем, идёт?

– Пойми, в наших общих интересах решить эту ситуацию. У меня есть завязки, которых нет у тебя, а ты можешь знать что-то, что поможет нам всем прийти к компромиссу.

– И к какому компромиссу ты придёшь, если я скажу, что после нападения правители мне враги? – желчно поинтересовалась Ора.

– Подожди, давай по порядку. Друзья и партнёры это те, с кем у вас общие интересы. Соперники и враги – те, с кем разные. С соперниками договориться можно, с врагами нет.

Правильно?

– Ну, – без энтузиазма откликнулась инферналка: она явно не понимала, какие кружева я плету вокруг неё, и не горела желанием принимать в этом участие.

– Но ведь у вас с Правителями нет взаимоисключающих интересов!

– Ну охреть теперь!

– Я серьёзно. В чём заключается их интерес, по-твоему?

– Как ты сам вчера сказал, их бесит всё, что не укладывается в их шаблоны, поэтому они уничтожают тех, кто им не нравится, – Ора запустила механизм самонакрутки, постепенно выходя из себя.

– Ты передёргиваешь. Они защищают свою территорию от тех, кто с высокой вероятностью попытается претендовать на неё.

– С какой стати меня обвиняют из-за вероятности?!

– Но ведь ты тоже записываешь людей в соперники потому, что у них противоположные интересы, независимо от предпринимаемых действий?

Инферналка задохнулась от возмущения.

– Действий там полно! Я всегда трезво оцениваю, какой риск кто представляет!

– Вот и Правители действуют по этой логике, – кивнул я.

– Я ничего им не сделала, вообще!

– Но будь у тебя такая возможность – сделала бы, и ещё как, ты вчера сама это подтвердила. По той простой причи-

не, что у вас разные взгляды и тебе не нравится тот формат, в котором они живут. Значит, они оказались полностью правы в своём прогнозе. А знаешь, что самое интересное? Окажись ты на их месте – действовала бы точно так же, один в один. Когда сюда придёт очередной новичок, понаблюдай за собой: ты сперва станешь оценивать его по потенциальной опасности для твоего государства, а затем примешь решение о том, напасть сразу или рискнуть и дать ему развиваться. А вчерашние слова о том, что все могут жить как хотят, забудутся и больше не всплывут.

– У меня больше нет государства, воины света расхерачили его в первые же сутки! – рявкнула Ора. Тяжело дыша, она сидела, вцепившись в стул, и, казалось, была готова накинуться и выцарапать мне глаза.

Я потянул паузу, давая перевести дух и осмыслить сказанное-услышанное. Выдержав оптимальное, как думалось, время, спросил:

– Если они принесут извинения и помогут восстановить всё, что порушили, ты согласишься пересмотреть своё отношение к ним?

– Уже выстроились в очередь!

– Я тоже Правитель и имею определённое влияние. – Главным в этой фразе было выдержать интонацию: малейшее сомнение в собственных словах обнулило бы весь эффект. Вроде, удалось. – Если я скажу, что ты не представляешь угрозы, а ты подкрепишь это своим поведением в дальней-

шем, вы сможете ужиться безо всяких проблем. Места здесь хватит на всех.

– Больно они мне нужны, – выплюнула Ора. – Что захочу, то и буду делать.

– Тебя никто ни в чём не ограничивает. Наоборот, я надеюсь, что вы когда-нибудь подружитесь...

– Как твоя знакомая парочка? Один командует, другой выполняет?

Пересилив себя и промолчав, я поднялся. Похоже, на сегодня лимит внушений исчерпан, больше здесь делать нечего.

Инферналка на мой уход никак не отреагировала. Щелчок замка в этот раз я тоже не услышал, но особых надежд по этому поводу не испытывал: скорее всего, просто забыла про него.

Глава 4

Не открывая глаз, я махнул рукой, пытаюсь безмолвно сообщить нарушителю покоя, что о нём думаю, и лёг чуть выше. Однако через минуту пелену дремоты вновь разорвал ударивший в лицо лучик света. В принципе, логично, солнце поднимается, угол падения меняется...

Застонав, я снова предпринял попытку скрыться от наступления дня – перевернулся на другой бок.

Минута...

– Да что ж такое!

Снова этот луч! Откуда?!

Слева, со стороны двери на меня хитро глядел ответ. Им являлось моё ездовое животное, держащее в зубах за одну из боковых ручек начищенный до зеркального блеска бронзовый поднос, на которых обычно приносили завтрак. Собственно, его зеркальным свойством умная, но от этого не менее противная зверюга и воспользовалась.

Поискав глазами, я обнаружил и сам завтрак – бутерброды были аккуратно свалены на столе. Разве что чайник тигру удалось переставить; наверное, перенёс, уцепив зубами.

Да уж, спать мне сегодня точно не дадут. Вот что со зверями голод делает.

Пришлось вставать. Выйдя на балкон и оценив по ощущениям температуру, я вернулся и взял вместо обычной руба-

хи другую, чуть короче и легче: день обещал выдаться очень тёплым, если не жарким.

Тигр по-прежнему сидел в стороне и наблюдал за моими перемещениями, никак не реагируя на их нарочитую растянутость; будет знать как будить.

Снова скользнув взглядом по столу, я вдруг почувствовал, что забыл о чём-то. Интересно, почему стол? Какие-то дела?.. Ещё один, более внимательный взгляд ничего не дал. Ладно, потом вспомню.

– Эй, тигровое, подходи.

Положив поднос на оставшуюся незастеленной постель, зверь приблизился. Понюхал предложенный бутерброд с копчёным мясом, входивший как в мой рацион, так и в его, зевнул и пошёл обратно к двери.

– Вот гад! – возмутился я. Тот, не поворачиваясь, спокойно повёл хвостом, показывая, что думает о данном заявлении. Это он, значит, меня просто так разбудил, из вредности, а не из-за голода!

– В следующий раз на кашу посажу, – мрачно пообещал я, жуя свою часть завтрака. – На манную.

Наглое животное легло на спину и, смотря на меня снизу вверх, высунуло и показало язык. Я не выдержал и улыбнулся. Потом сел на пол, опёршись спиной о стол.

– Ладно, свинка полосатая. Какие есть мысли насчет дня? – тигр не ответил, но продолжил смотреть. – Сегодня праздник вообще-то.

Зверь на несколько секунд задумался, потом недоумённо дёрнул ухом.

– Как, ты не знаешь? Выходной, называется.

Хм... А может, и правда, организовать праздник? Уж о чём, а о таких вещах я совсем не думал, когда создавал страну.

Только как бы его назвать? В честь чего, в смысле?

Взгляд рассеяно скользил по комнате, подыскивая вещь, ради которой можно было бы устроить праздник. Фестиваль подносов?.. Нет уж, не сегодня. Праздник мебели?.. Туда же. День белого цвета? День солнца? Вот, уже ближе. Хотя поклоняться природе – оставим эльфам...

Воспользуемся подсказкой.

– Эй! – Я точно помнил, что пара гвардейцев всегда находилась неподалеку от моей комнаты. Вот только напрочь не помнил, как их зовут. И, более того, – давал ли я вообще им имена. – Эээ... Служивый! – я пощёлкал пальцами.

Ну, можно и новые дать, вряд ли они обидятся.

– Меркуцио! – заорал я первое имя, всплывшее в памяти, подкрепляя его потенциалом.

Из коридора послышался топот, и на пороге появился гвардеец в форменном обмундировании, которое на сегодняшний день представляло сиреневый плащ поверх кольчуги и выглядывавшую из-под последней красную рубаху.

– Да, князь? – поклонился он.

Меркуцио? Ничего себе, откопал...

– Я решил устроить празднество. Как ты думаешь, к чему его приурочить?

– Ох ты ж. Сейчас придумаю... – теперь уже его взгляд пошёл бродить по комнате в поисках вдохновения. Я терпеливо ждал, переключившись на завтрак.

Когда в комнате во второй раз ничего интересного не обнаружилось, гвардеец, задумавшись, опустил голову, но вдруг резко поднял её и радостно воскликнул, заставив меня поперхнуться от неожиданности:

– Знаю, ваша светлость! День мечей! Военный праздник!

Похоже, его взгляд упал на висящий на боку меч. Ну, почему бы и нет.

Так, День мечей – это похоже на парад. Но для парада у меня есть только гвардия... Между прочим, хороший повод натянуться, наконец, на создание армии.

– Отлично, Меркуцио! Сегодня будет День витязя. Иди распорядись, чтобы...

* * *

На главной, дворцовой площади собралась приличная толпа. Никого не приводили насильно; увидев появившиеся на каждом углу плакаты с призывом собраться для празднования Дня витязя, первого праздника в княжестве, абсолютное большинство жителей столицы решило отложить повседневные мелочи ради неожиданного зрелища.

Я стоял на балконе дворца, возведённом всего пару часов назад, облокотившись на перила. Первое обращение... Было жутко неудобно. Хотя и князь, первое лицо государства – а всё равно никуда не денешься от боязни сцены. Причём обычной-то сцены я, вроде как, не боялся. По крайней мере, так считал. А вот выступать перед населением целого города – такого испытывать ещё не приходилось.

– Всё хорошо, ваша светлость? – сзади неслышно подошёл гвардеец и остановился за порогом, ожидая распоряжений.

– Да, спасибо. Всё нормально. – Руки, однако, начинали предательски подрагивать. – Просто... дико непривычно, – я с надеждой посмотрел на солдата.

– Почему непривычно? – удивился тот. – Вы ведь не первый раз выходите к народу.

– Не первый?..

– Ну, конечно! Сколько вы уже правите.

– А... Ну да.

При создании населения страны каждому была вложена в голову уверенность в том, что княжеству непредставимо много лет. Как этот тезис трансформировался и как его объясняли для себя конкретные люди, пока оставалось загадкой, да и особо меня не занимало: работает задумка, и ладно. Всё лучше, чем объяснять целому народу, откуда он появился, особенно если делать это честно.

– Ладно, что-то я и правда, отвлёкся, – буквально заставив себя перейти с нервозности на азарт, я ухмыльнулся.

Время пришло!

Я обернулся к площади, посмотрел на толпу в несколько тысяч человек... и отвернулся обратно.

Фантазия забилась в угол сознания вместе с уверенностью. Да что ж такое!

Глубоко вздохнув, обернулся во второй раз. Главное – начать... С чего начинать?!

– Мой народ! – знакомым по фильмам движением я распротёр к людям объятья, внутренне обалдевая от самого себя.

По сравнению с шумом внизу это было очень, очень тихо. Некоторые, конечно, заметили моё появление и затеребили рядом стоящих, но сильно ситуация не изменилась.

Рупор, что ли, создать? Нет, это совсем по-идиотски будет выглядеть...

Короче, пусть за это стража отвечает.

По бокам от лестницы главного входа во Дворец появились две напольные трубы в виде стоящих на задних лапах железных медведей в натуральную величину. Караульные, повинувшись второму мыслеприказу, загудели в них. Народ завертел головами в поисках источника звука; наконец-то стала устанавливаться тишина.

– Мой народ! – повторил я чуть бодрее, чем в первый раз. Народ ждал. – Я... эээ... В общем, я, как вы уже знаете, решил организовать первый общенародный праздник.

Внизу послышался ропот, заставивший меня снова сник-

нуть. Это что получается, страна существует многие века, а праздников не было ни одного?

Да пусть и так! Плевать!

– А раз он общенародный, значит, должен быть связан с народом! Верно? – пыл злости на самого себя сразу настроил на общение с массами.

Одобрительный шум подтвердил, что верно.

– А что самое главное для государства?

– Хлеб!

– Деньги!

– Люди!

Забавно, каждый класс прославляет своё. Интересно, кто там крикнул про людей?

– Есть ещё кое-что. Одна из главных опор государства – его армия. Люди, которые годами совершенствуются в воинском мастерстве, чтобы в нужный момент, когда нападёт враг, взять и вышвырнуть его с нашей земли туда, откуда пришёл! Верно я говорю?

– Да! – откликнулась толпа.

– Так что, честно будет дать право первого праздника им, нашим защитникам?

– Да!

– Значит, сегодняшней день я объявляю Днём русского витязя и посвящаю его всей дружине и всей гвардии княжества! Ура!

– Ура! – загремело внизу.

Отлично, я сделал это! Поверить не могу!

– Всего через несколько часов здесь, на главной площади, пройдёт парад наших доблестных войск, а после этого будут устроены гуляния! Так что прошу пока разойтись – здесь будут вестись приготовления!..

...А вообще получилось не так уж и плохо, – подумал я. Судя по ни на что не похожим ощущениям, сделан ещё один шаг по пути успешного правителя.

* * *

Примерно треть площади – срединная часть – была огорожена узорчатой металлической оградой высотой немного ниже роста взрослого человека. Остальное пространство заполнили горожане – разогнанные погулять до начала, они вскорости вернулись и заняли практически все места. Однако, предвидев такой вариант, я сделал хитрость: огороженная часть площади сейчас находилась по уровню ниже, чем другие две, и последние, располагаясь под углом, образовали что-то вроде небольшого каньона. В итоге даже самые дальние ряды получили нормальный обзор.

Мы с Орой сидели в окружении охраны на трибуне, возведённой напротив входа на территорию дворца. Осматривая площадь, я всё прикидывал, что хорошо бы добавить, а что убрать; инферналка безмятежно сидела рядом, думая о чём-то своем. С утра она делала вид, что вчера между нами не со-

стоялось никакого разговора, и меня это вполне устраивало.

Я дал знак начальнику гвардии: можно начинать. Тот передал кому-то дальше, и через минуту на площади раздались первые звуки музыки, мерный колокольный звон. Народ стал затихать и оглядываться в поисках невидимых инструментов. Вскоре те были обнаружены на крышах высоких каменных домов, окружавших площадь, где появились специальные надстройки.

Ещё через несколько минут вступил оркестр, расположившийся по левую сторону от меня на трибуне. Когда застучали барабаны, на площади появились войска.

В деле создания армии я решил руководствоваться больше не исторической достоверностью, а сугубо практичными рассуждениями. Не то чтобы это сильно повлияло – и о военном деле, и о древней культуре мои знания были сугубо поверхностными, но главное – вывести принцип и придерживаться его. Любой завалящий план лучше его отсутствия; жаль, не помню, кто это произнёс и по какому поводу.

Первыми шли копейщики. За их основу были частично взяты знаменитые фаланги Александра Македонского: первый ряд нёс копья толстые, чем-то смахивающие на дубины, следующий – более тонкие и длиннее, третий – ещё более, и так до конца. Лица воинов скрывались под сплошными шлемами каплевидной формы, имевшими только щели для глаз. Основная броня представляла собой двухслойные кольчуги из толстых колец, на руках – стальные наручи и ко-

жанные перчатки, на ногах, соответственно, – стальные поножи и кожаные сапоги, обитые металлом.

Насколько я понял, основные черты своих вооружённых сил здесь выбрали так: римские – мобильные и решительные, принимающие на себя основные удары и сковывающие противника. Армия (если это можно было называть именно так) Братства сумрака – точная и смертоносная, ищущая уязвимые места и бьющая в первую очередь по ним. Мне не симпатизировал в полной мере ни один из этих вариантов: обстоятельства бывают разные и часто исход боя зависит только от численности войск, – так что я решил пожертвовать скоростью собственных солдат в пользу их силы и защищённости. Результат полностью оправдал предварительные ожидания: для дальних непрерывных походов моя армия вряд ли согдится, а вот чтобы неспешно добраться до одной конкретной позиции и взять её за установленное время или наоборот, удержать имеющуюся, она подходила идеально.

За несколькими полками копейщиков прошли меченосцы с каплевидными же щитами от горла до колена и большими мечами. За ними – полк лучников в облегчённой броне, тяжёлая пехота с двуручниками, арбалетчики... Был один полк, который я всё же оставил для быстрого реагирования, – воины в лёгкой защите с двумя топорами, обученные использовать их как для ближнего боя, так и для метания.

Когда вся пехота промаршировала, музыка на несколько секунд стихла, а потом к играющим присоединились флей-

ты – и показалась конница.

Коней пришлось изначально делать тяжеловозами, но оно стоило того. Тяжёлая кавалерия вооружалась булавами на длинных рукоятках, кистенями, простыми саблями, копьями – хватало всего.

Выход каждого полка толпа сопровождала восхищёнными возгласами и рукоплесканиями. Неудивительно, это была армия воистину сокрушительной силы. Единственное, что немного огорчало: хоть среди земных армий средневековья равных моей не было и близко, здесь у всех такие же возможности, как и у меня.

Армейская часть парада закончилась, однако на очереди стояла отдельная от армии структура – гвардия, которую я тоже не мог не продемонстрировать. Гвардейцы, одетые не в боевые доспехи, а в парадные красные кафтаны, ехали верхом и не просто пересекали площадь, а гарцевали. Толпа восторженно зашумела.

По команде командира весь передний отряд из примерно двухсот человек одновременно поднял лошадей на дыбы и прошёл так несколько метров, вызвав новые овации. За ним это повторило следующее подразделение, третье, и так до конца. Далее своеобразную «волну» повели с поворотом коня на дыбах на триста шестьдесят, с поднятием коней и салютованием оружием... Ближе к концу я подумал, что компенсировал себе все несовершенные в детстве походы в цирк.

Наконец, прошла и гвардия, и парад в самом деле завершился. Поднявшись, я объявил:

– Всё! Приходите через час на гулянья!

* * *

– На парадах ведь должны быть знамена и штандарты?

– Должны. Но я ещё не придумал себе герб, – я развёл руками.

– По-моему, герб это первое, что нужно придумывать, – категорично заявила Ора.

– А у тебя он есть?

– У меня и страны-то нет.

Опять двадцать пять...

Мы снова сидели на трибуне, ожидая теперь уже начала гуляний. Если к программе первого акта я свою руку хоть сколько-то приложил, то второй решил полностью отдать на откуп специально для этого созданному профессионалу, которого я для себя обозначал как «герольдмейстер».

Разделительная ограда и «каньон» исчезли, теперь выделен и огорожен был только большой квадрат со стороны около пятидесяти метров, имевший в общей сложности восемь входов. Здесь планировалось основное развлечение – соревнования, в том числе с участием дружинников и гвардейцев.

Внутри квадрата вошёл гвардеец: рыжий, среднего те-

лосложения, с аккуратной бородкой. Парадную форму он не сменил и не надел никакой защиты, но как будто вовсе не тяготился этим; беззаботно помахивая двумя деревянными мечами, которые нёс за перевязи, он не торопясь дошёл до середины, осмотрелся и воззвал:

– Ну что, народ русский, столичный, позабавиться хотите? Толпа оживилась.

– Пряма так хотите? И силушкой, небось, помериться хотите?

– Хотим!

– А не боитесь?

– Кого, тебя что ли? – один из мужиков, стоявший прямо у ограждения, переорал общий гул.

– Зачем меня, это я вас боюсь – вас вон сколько, а я один!

Задавите, поди!

Люди засмеялись. Тот же мужик крикнул:

– Не бойся, сильно лупить не будем!

– Вы меня заинтриговали, – резко сменив стилистику общения, гвардеец дал понять, что подготовительная стадия закончена. А затем, плавно крутанувшись на каблуках, возвестил: – Бои на мечах!

Толпа ответила шумом энтузиазма.

Отделив одну перевязь, он направился напрямиком к хвалившемуся.

– Хоть мне и страшно, сударь, я всё же приглашаю вас стать первым участником.

– Да не вопрос, – простоватый увалень тут же перелез ограду, забыв про нормальный вход на арену. – Меч одолжишь?

– Что мне, жалко, что ли, – хмыкнул герольдмейстер. Демонстративно держась за самый кончик, протянул оружие рукоятью вперёд. – Начинайте.

Изящное оружие в лапе мужика даже без учёта материала скорее походило на дубину: фехтовать им он и не пытался, в пылу азарта засыпая противника ударами вплоть до плашмя.

Гвардеец, с весёлой ухмылкой смотревший на его старания, развлекался как мог. Сначала он просто уворачивался, затем стал делать это, театрально комментируя каждый выпад в свою сторону – это было вдвое смешнее оттого, что выпады дубиной очень условный трюк. Под конец же вовсе взялся танцевать на арене, вплетая в танцевальные движения фехтовальные и всё не позволяя попасть по себе. Народ покатывался, глядя на эту картину.

Наконец, мужик выдохся. Ведущий подошёл к нему, пожал руку и кликнул:

– Поддержите его, он хорошо и весело дрался!

Им захлопали, и понурый хвостун смущённо улыбнулся.

– Кто следующий? Не стесняйтесь, это не сложно!..

Через час желающих не осталось. Вызывавшиеся в массе своей были разгорячены и довольны, над своим поражением грустил мало кто – толку? Всё равно объективного успеха

никто не добился ни до ни после них.

Каждый надеялся, что «вот, сейчас этот пойдёт, измотает его, а я пойду после и, наконец, выиграю». Но нет, ведущий выглядел таким же свежим. Даже когда один молодой парень решил брать его не силой, а ловкостью: сперва план работал, но потом гвардеец, разгадав тактику соперника, начал незаметно наращивать темп нанесения ударов. В итоге парень ушёл в состоянии выжатого лимона. А его сопернику хоть бы хны, даже дыхание не сбил, судя по голосу, такому же сильному и бодрому, как в начале.

Не то что победить, даже коснуться гвардейца на протяжении всего состязания никто не смог.

– Неужели больше нет смельчаков? – удивился он спустя какое-то время, осматривая людей, стоящих по периметру ограждения.

– Николай? – сидевший неподалёку от меня на трибуне преподаватель фехтования обернулся. Я кивнул на арену: – Покажете мастерство?

– Можно, можно, – покивал тот. – А то он порой такие ошибки делает, а указать и некому.

Войдя в квадрат, он под одобрительные хлопки наворотившейся толпы – все видели, что он спустился с княжеской трибуны, – подошёл к герольдмейстеру и коротко поклонился.

– Меч? – предложил тот.

– Пожалуйста.

– Друзья! – обратился гвардеец к народу. – Давайте поприветствуем мастера обращения с холодным оружием Николая Ивановича Кумачёва! Вы уже давно хотите увидеть меня поверженным, а некоторые, я знаю, и убить. Так вот он, ваш спаситель!

Под гомон зрителей воины встали в боевые стойки. А затем – по арене пронёсся вихрь.

Скорость была убийственной, не менее ста ударов в минуту, на мой дилетантский взгляд. За время схватки бойцы успели обежать весь квадрат, и под их ногами клубилась пыль, мешая разглядывать конкретные приёмы. Минута, две, три...

– Ничего себе, – Ора смотрела не отрываясь.

– Генная инженерия творит чудеса, – усмехнулся я, тоже с азартом глядя на поле боя.

Через пять минут я готов был поставить на то, что проигрывает древесина, из которой сделаны мечи. Но вдруг всё закончилось: Николай держал свой меч на вытянутой руке около шеи гвардейца, остановившегося так, как стоял, – не успев довести собственный удар, с отведённой вниз рукой. Толпа рукоплескала долгожданному победителю.

Постояв так ещё немного, противники опустили оружие и с улыбками поклонились друг другу.

Праздник получился по-настоящему весёлым. Программу подготовили хорошо, конкурсы следовали один за другим

и были направлены на совершенно разные физические навыки, так что поучаствовать имел возможность практически каждый.

Сейчас все смотрели на шестерых, пересекавших квадрат, и подбадривали их криками. Смысл этого состязания заключался в том, что обычный человек, горожанин, надевал доспехи, рассчитанные на гвардейца – каждый из которых имел силу нескольких простых солдат, – и пройти в них три десятка метров. Доспехи оказались настолько тяжёлыми, что однозначного лидера не получалось выявить до самого конца: еле переставляя ноги, участники время от времени совершали рывки в надежде победить, но сила и частота этих рывков были у каждого своя. Одновременно я контролировал ситуацию с помощью энергетической подпитки, чтобы не дать никому окончательно свалиться под тяжестью ноши, хоть об этом никто и не знал.

Наконец, один из этих шести добрался до противоположного края арены. Едва держащийся от усталости на подрагивающих ногах, но довольный победитель забрал положенный жетончик, которые в ларьке неподалёку меняли на призы, и направился к выходу. Ведущий тем временем объявил:

– Вот мы и добрались до последней задачи. Объездка дикого коня!

Со стороны толпы раздался протяжный многогласый стон. Но желающие нашлись и сюда: несколько человек сразу заняли очередь на выход на арену.

Вскоре вывели скакунов. Один – вороной, весь исходивший гневом за то, что его посмели поймать и вести куда-то. Вообще-то их не ловили, а я сам их создавал для этого соревнования, но, опять же, кто об этом знал. Второй, гнедой, был точно таким же диким, но вёл себя по-другому: не расплескивал свою ярость на бесплодные попытки выбраться, а прятал её, чтобы в нужный момент выпустить всю без остатка.

– Хо-хо! – донеслось сбоку. Ора во все глаза рассматривала животных.

– Неужели нравятся? – удивился я.

– А почему они должны не нравиться?

– Не знаю. Я как-то равнодушен к лошадям.

– Каждому своё.

– Может, тогда попробуешь объездить?

Ора странно посмотрела на меня, наверное, пытаюсь определить, издеваюсь я или нет. Но ничего не ответила.

– Итак, уважаемые участники! – снова заговорил гвардеец-ведущий. – Как я уже сказал, ваша задача – объездить своего коня, то есть удержаться на нём максимально долгое время. С ними можно говорить, можно пытаться успокаивать, можно пытаться подчинить – методы не ограничены. Готовы?

Пока на них забирались, кони стояли так спокойно, словно обычно только и делали что катали детей в парках.

– Держитесь!

А вот теперь – их бешенство, наконец, получило выход.

Один из рискнувших пытался говорить что-то своему зверю, второй просто орал, что это черти. Мнение толпы разделилось: часть сочувствовала наездникам, часть веселилась. Я, в свою очередь, с удвоенным вниманием следил, чтобы никто не расшибся. Впрочем, и на Ору изредка поглядывал – ни один из предыдущих конкурсов не вызвал у неё такой живой реакции.

Инферналка смотрела на зрелище с явно профессиональным интересом. Неужели занималась лошадьми? А почему скрывала? Такая хорошая основа для налаживания отношений.

Через полминуты после начала участник, оседлавший вороного, полетел на землю. Второму дали жетончик победителя, и он, покрасовавшись немного для толпы, удалился. Следующая пара была уже не так оптимистично настроена, но всё равно твёрдо вышла на арену.

– Что за идиоты! – вдруг возмутилась Ора, когда началось состязание второй пары. – Откуда они взялись?!

– А что не так?

– Лошадей нужно доверять тем, кто хотя бы знает, как с ними обращаться.

– Ну, так покажи им, как, – я пожал плечами.

– Думаешь, не покажу? – Ора с вызовом посмотрела на меня.

– Ты не рассуждай, просто покажи.

– И покажу. Ещё и медаль принесу.

– Ещё и медаль? Думаешь, сможешь победить?

– Да запросто!

Вторая пара продержалась меньше – наездник гнедого коня вылетел из седла уже через двадцать секунд.

– Ага, второй победитель! – гвардеец вручил жетон оставшемуся. – Двадцать секунд – и вы с призом! Кто следующий?

Но у входа на арену остался только один претендент, мужчина лет сорока, озирающийся по сторонам в поисках кого-нибудь в пару.

– Что же вы человека бросаете, уважаемые? Выйдите кто-нибудь, сразитесь с ним!

– Эй!

Ора быстро спускалась вниз, махая рукой ведущему.

– А, сударыня! Отлично, есть пара. Предоставим девушке выбор коня?

– Этот, – инферналка подошла к вороному и погладила его по морде. Фыркнув, тот переступил с ноги на ногу.

– Хорошо. Садитесь, и начнём.

Мужчина тем временем приблизился к своему коню, стоявшему рядом с первым. Перекинулся несколькими фразами с инферналкой, по-видимому – остался недоволен результатом общения. Терпи, мужик, не ты первый, не ты последний.

– Готовы? Держитесь!..

Наклонившись вперёд и оперев подбородок на кулаки, я напряжённо следил за разворачивающимися событиями.

В принципе, бояться было нечего, моей реакции вполне хватало, чтобы никто из участников не воткнулся головой в землю и вообще не получил никаких травм. Меня больше волновало, действительно ли Ора сможет победить – и что делать, если не сможет.

Кони носились по всей арене, поднимая тучи песка. Мужчина держался спокойно, уверенно, Ора же пыталась что-то нашептывать вороному на ухо.

Двадцать секунд.

Тридцать. Оба держались.

Сорок секунд.

Кони приходили во всё большее неистовство и начали закидывать такие трюки, что, казалось, на них можно держаться только намертво приклеившись.

Пятьдесят.

Минута!

Скакуны, по-видимому, собирались переходить к проламыванию ограждений – лишь бы сбросить со спин ненавистный груз.

Минута десять.

Мужчина был порядком взволнован и постоянно кидал взгляды в сторону Оры – когда же она вылетит, чтобы состязание закончилось?.. Та тоже давно бросила попытки договориться с непокорной лошадей и вцепилась в неё изо всех сил и руками и ногами. А ещё, по-моему, зажмурилась.

Минута двадцать.

Кони практически одновременно взревели, а потом каждый завернул такой вираж, что удержаться было практически невозможно...

Да!

Мужчина, всё-таки не удержавшись, взлетел в воздух, летя кувырком на землю. Победа!

Энергетически подстраховывая его, чтобы он приземлился мягко, я повёл взгляд в сторону Оры. Нет, вороного коня... Где Ора?!

Она летела в противоположную сторону, тоже не сумев удержаться.

Рефлекторно вскочив с кресла, я подстраховал и её. Время на арене словно замедлилось в несколько раз.

Зрители ахнули.

Гвардеец, пару секунд раздумывавший, к кому бежать первому, выбрал всё-таки Ору, поставив, видимо, приоритет уважения к девушке. Помог ей подняться, поинтересовался, всё ли нормально, и собрался бежать к мужчине, но тот уже встал сам – страховка сработала хорошо. Толпа, оправившись от напряжения, зааплодировала.

– ...Почти полторы минуты! Больше всех, настоящие мастера!

Напротив герольдмейстера стояли одинаково насупленные участники, равнодушные к сыпавшимся со всех сторон похвалам, и пытались что-то выяснить.

– Выиграл? – переспросил ведущий. – Я считаю, что вы

оба достойны звания победителя! И поэтому жетоны вручаются каждому из вас! – он с улыбкой выдал медали, и соперники, всё ещё отходя от нагрузок, разошлись к выходам с арены – разным.

Я встретил Ору на лестнице на трибуну.

– Поздравляю, ты всё-таки смогла.

Девчонка встряхнулась, словно именно мои слова позволили ей прийти в себя. Бросила на меня злой взгляд, перевела дух – а затем её прорвало:

– Смогла что? Я проиграла! И ведь оставалось всего чуть-чуть...

– Так ведь победу присудили... – попытался я вклиниться.

– Да какая, на хрен, разница, что там присудили! Она ничего не значит, ничего!

– Разве медаль не означает победу?

Поджав губы, Ора, раздражённая моей непонятливостью, процедила:

– Медаль это для толпы. Я должна была доказать, что я лучший наездник, чем этот упырь, – но не смогла.

– Тот мужик, что ли, который с тобой выходил? – догадался я. – А он тут причём?

Инферналка выдохнула сквозь зубы. Мотнула головой:

– Ни при чём. Забей.

– Ты хотела оказаться лучше него, так? Но ведь ты даже не знала о нём, когда выходила! – я тщетно пытался понять.

– Потом поговорим.

– Правда?

– Нет.

Обойдя меня, Ора направилась к заднему спуску с трибуны, собираясь, по всей видимости, вернуться во дворец.

– Церемонию завершения не будешь смотреть? – запоздало спросил я, уже в спину.

– Нет, пойду отдохну, – отозвалась она, так же не оборачиваясь.

* * * * *

Бесед между нами постепенно становилось всё меньше: времени на философские проблемы почти не оставалось, в первую очередь приходилось думать о приземлённом.

Княжество прожило без проблем полторы недели, если считать с момента окончательного «введения в эксплуатацию». Дальше в сложном социальном механизме начались неполадки.

В Сереброве, городе восточнее Киева, технический прогресс дал немного не те плоды, которых обычно от него ожидают. В Княжеской Академии наук – да, у меня и такая появилась – открыли какой-то метод, позволяющий производить добычу металлов немного быстрее, чем раньше. На частичную замену оборудования и доставку необходимых химических реактивов, естественно, потребовались материальные и трудовые ресурсы, которых, что тоже естественно,

на всех сразу не хватило.

К спору чиновников о приоритетности модернизации одних шахт перед другими подключились горняки, у которых имелись свои собственные взгляды на то, как должен выглядеть рабочий процесс. Химию никто не знает, обучать их некому, проблем от нововведений больше, чем пользы, потому как старые методы надёжнее и безопаснее. В общем, не надо никаких реактивов, а выделенные деньги лучше на что-то толковое потратить.

Ответственные за передовое внедрение ни разобрать вскрывшиеся противоречия, ни удержать ситуацию под контролем не смогли, губернатор и вовсе не захотел брать на себя ответственность за происходящее. В результате ком прокатился по региону, дошёл до столицы и на полной скорости врезался во дворец.

Выслушав представителей каждой группы, я пришёл к выводу, что более чем переоценил свои возможности. В одиночку князь справиться с управлением всей страной в имеющихся условиях не мог, как бы там ни казалось первоначально, и даже градоначальники нагрузку почти не снимали – хорошо ещё, что не увеличивали. К вечеру того же дня во дворце прошло первое заседание кабинета министров Русского княжества. Забавно это, пожалуй, выглядело: большой зал, в центре круглый стол, за которым восседают серьёзные взрослые люди – и в центре их внимания единственный подросток, принимающий их доклады о планируемых

действиях и на ходу тасующий сферы ответственности.

Посторонних наблюдателей там, к счастью, не было, но, вспоминая после свои ощущения, я подумал, что начинаю понимать фразу Альдена о необходимости саморазвития в качестве Правителя. Останавливать людей раза в два старше себя, когда они говорят не то, что хочешь слышать? Заставлять их говорить, когда хочешь этого? Заставлять говорить о том, что интересуется тебя, а не что интересуется их? Непредставимо, просто непредставимо в тех условиях, в каких я жил предыдущие полтора десятка лет. Какое там обращение к народу с высоты третьего этажа, они тебя один раз увидели и через десять минут забыли, о чём ты вещал! А здесь – ты будешь сидеть час, два, три, хоть сутки, ровно столько, сколько понадобится для вникания в ситуацию и решения проблемы. Зная, что каждый всплеск застенчивости заставит тебя выслушать очередную порцию совершенно лишней в данном случае информации, никак не приближающей к конечной цели.

Первый, тестовый состав кабинета сложился из министров просвещения, металлургии, товаров и торговли, финансов, медицины, правосудия и командующих армии и гвардии. Таким образом под его контроль попали все важнейшие сферы, что обещало хотя бы на первое время разгрузить мою собственную повестку. Тем не менее, с каждым новым днём тяжесть власти становилась всё ошутимее, несмотря на средние размеры страны, монархический строй

и искусственную среду, исключаящую политические группировки, борьбу за власть и прочее. От мыслей, каково пришлось бы в системе, сложившейся естественным образом, бросало в лёгкую дрожь – но в то же время все наличествующие заботы отходили на второй план: справлялись же средневековые короли со своими обязанностями, а я чем хуже?

Медленно, но верно голова заполнялась необходимыми знаниями и привыкала к новым категориям мышления. Светлый образ Альдена, сумевшего наладить работу собственного государственного механизма до аналогии с часовым, стал своеобразным ориентиром, напоминавшим о том, что конечный результат окупает затраченные усилия.

От самого Альдена, впрочем, вестей не поступало. Изредка я вспоминал про неоткрытое письмо, которое до сих пор должно было лежать где-то в комнате, но всякий раз находился достаточно далеко от него, чтобы отвлечься и забыть снова. Какую-то роль в этом сыграла и мысль, что, если бы в том письме было что-то важное, со мной попытались связаться повторно – хотя бы узнать, почему не отвечаю.

Время, между тем, всё равно работало на меня. Ора успела обжиться и, по-видимому, уже считала мой Дворец своим домом, что искренне радовало. Да и вообще, медленно, но верно она менялась в лучшую сторону: становилась общительнее, дружелюбнее, интересовалась окружающим не подчёркивая дистанцию, как это имело место в первый период. Каждый день я силился заметить в ней что-то новое, поло-

жительное, чего в ней раньше не было, и, что характерно, находил...

Я должен был доказать свою правоту. Человек может меняться, а в идеальном мире можно прожить без войны.

Потому что если это не так, то до идеала здесь очень далеко.

* * *

Мы с Орой спускались по центральной дворцовой лестнице, разговаривая о возможностях Правителя. Обычно я старался полностью контролировать ход подобных разговоров, взвешивал каждое слово, оценивая, какой эффект оно может возыметь пройдя через фильтр сознания инфернала. Сложность этого усугублялась отсутствием понимания, что вообще делать с Орой дальше и, следовательно, в чём именно её стоит убеждать.

Стояло субботнее утро, около десяти часов. В связи с резким увеличением профессиональной, так сказать, нагрузки количество тренировок пришлось уменьшить, и теперь они проводились только три раза в неделю. Сегодня я планировал съездить в Бризск – западный из двух крупных городов, лежавших на побережье, южной границе княжества, – посмотреть обстановку, а заодно и чуть развеяться. Море, всё-таки.

– ...А ещё раз, как этот потенциал восстанавливается?

– Не знаю. Есть какие-то факторы, но о них почти ничего не известно. Если что – делимся теориями, ага?

Ора не ответила – снова задумалась, усваивая полученную информацию.

Половину поездок теперь приходилось совершать с сопровождением – чиновники, чтоб их. В первое время это заметно снизило темп перемещения с места на место; я даже думал над тем, чтобы и их обеспечить воздушным транспортом и таким образом компенсировать издержки, но всё-таки решил, что много чести для них. Не тот круг людей, с которым мне хотелось бы рассекать по небесам. Вопрос решился созданием специальных, «эскортных» коней, с увеличенными показателями выносливости и скорости.

Отряд ждал меня у подножия лестницы. Все верхом, уже готовые. Я поднял руку, поприветствовав поклонившихся в ответ сопровождающих, и начал забираться в седло.

– Ты надолго? – очнулась от раздумий Ора.

– До вечера. А что?

– Хм... Пожалуй, я тоже поеду.

Свита украдкой переглянулась. Я удивился:

– Ты ведь хотела сегодня потренироваться?

– Успеется. Я на море хочу, – спокойно ответила девчонка.

– Ну, давай... Только я большую часть времени буду занят, тебе придётся самой себя развлекать.

– Отлично.

Подняв руку, она сделала странный жест, а затем начала формировать из возникшего перед ней облака серого тумана что-то, в чём постепенно стали угадываться контуры лошади. Эскорт терпеливо ждал, а я задумался: учил ли я её созданию живых существ? Никакого личного транспорта у Оры до сегодняшнего дня не было, она первый раз вызвалась сопровождать меня куда-то. Впрочем... А, ну да, она же в самом начале, после перехода в мир, создавала армию. Интересно, а она использует тот же подход, которому учил меня Альден, или какой-то свой?

Через пару минут перед Орой появился готовый к выезду чёрный конь с белой гривой, белыми пятнами над копытами и белым хвостом. Ловко запрыгнув в седло, инферналка вдруг подняла коня на дыбы, вызвав удивлённые взгляды со стороны чиновников. Перевела горящие азартом глаза на меня:

– Ну что, едем?

Я усмехнулся, похлопал своего серого жеребца по шее – и отряд поскакал на юг.

* * *

К вечеру, закончив все дела, мы со свитой пришли отдохнуть на пляж, весь день находившийся в распоряжении Оры. Кроме нас там больше никого не оказалось, что достаточно красноречиво говорило об её активности. О том же свиде-

тельствовали десятка три песчаных замков высотой в человеческий рост, неплохо, кстати, выполненных в деталях.

Закончив с песком, Ора перешла к воде. Точнее – к волнам. Причём непонятно, что конкретно она делала: то ли испытывала свои новые силы, то ли искала новые приёмы управления ими. Вообще, понаблюдав, как инферналка – инферналка? это?! – радостно бежит по мелководью в закрытом коричневом купальнике, я пришёл к выводу, что она просто-напросто впервые в жизни оказалась на море. У меня когда-то, ещё в старом мире, были те же эмоции... Правда, вёл я себя тогда на пару порядков тише: общественный пляж, все дела.

Интересно, где Ора жила раньше? Если предположить, что моя мысль верна, то она, видимо, тоже из какого-то мегаполиса. Но в отличие от меня, хоть и в детстве, но побывавшего пару раз в лагере, ей, по-видимому, так ни разу и не представилась возможность куда-нибудь выбраться. Хотя... А может, она наоборот, из глухой деревни, где автобус ездит несколько раз в день? В этом случае можно оправдать и её падение в инферальность – тяжёлыми условиями...

Ладно, это всё бессмысленно. Чем строить теории и пытаться представлять абсолютно другой образ жизни, лучше просто набраться терпения и подождать, пока наши отношения оформятся настолько, чтобы она смогла рассказать всё сама.

На обратном пути в столицу я снова настроился на де-

ловой лад, и в голове завертелись другие, гораздо более глобальные проблемы. Государство построено, первоначальная задача выполнена. Дальше его предстояло превратить из идеального для меня в объективно идеальное – а идей, как это сделать, не было абсолютно.

В какой-то момент мелькнула мысль, что в момент прихода в мир было легче: не имея ровным счётом никакой ответственности, я мог не торопиться и потратить пару недель на проработку концепции государства, отложив стадию реализации до её завершения. Это, во-первых, сильно сократило бы время непосредственно создания, во-вторых, позволило бы избежать многих структурных ошибок – в большинстве случаев для этого действительно достаточно было сосредоточиться и подумать логически.

Впрочем, разобрав эту теорию, я решил, что всё не так плохо. Да, исправлять пришлось многое, но эти исправления стали возможны только с появлением личного опыта управления. Без него можно было хоть десять раз продумать модель, это не сильно отразилось бы на её эффективности.

Размышления привели в итоге к тому, что в нынешних условиях имелось два пути построения идеального государственного механизма. В первом варианте ключевая роль отводилась экспериментам: необходимо не только, образно говоря, смазывать и ремонтировать его, но и постоянно видоизменять, даже если всё и так неплохо работает, – чтобы в итоге выбрать лучший вариант не из двух-трёх, а из десят-

ка опробованных. Второй же наоборот, позволял мне расслабиться, сосредоточившись только на получении полезного опыта. В этом случае не требовалось даже стабильности в стране, вся суть заключалась в том, что, в конце концов, нынешнее государство будет стёрто под ноль, а вместо него возникнет новое, не имеющее ни одного из прежних изъянов.

Ни то, ни другое мне совершенно не понравилось, и я предпочёл временно закрыть для себя эту тему. Надо не забыть поспрашивать других Правителей, может, проблема возникла на пустом месте. По крайней мере, я на это надеялся.

Одна дельная мысль за время дороги всё же родилась, уже в пригороде Киева: Ору стоило ввести в руководящий состав. До сих пор её статус в княжестве определялся как «живёт во дворце», а этого слишком мало: нужно и стимулировать процесс перевоспитания, и свою пользу хоть немного извлекать. Работа с полной занятостью для этого подойдёт как нельзя лучше. На руководящей должности, конечно, — чем ещё заинтересовать потенциального Правителя?

* * *

Назначение на должность княжеского советника было воспринято совершенно спокойно: Ора лишь немного удивилась и пожала плечами в том смысле, что «ну, давай по-

пробуем». Следующую неделю она также не проявляла никакого энтузиазма, присутствуя на собраниях и заседаниях, но исключительно молчаливой тенью.

Гром для всех грянул, когда инферналка посчитала, что более-менее разобралась в основных вопросах. С этого момента ни один доклад, ни одна сводка не оставались без её комментария. Если сходу дать оценку не получалось, докладчика ловили в коридоре или даже в его собственном кабинете и заставляли объяснять все непонятные моменты.

Должен признать, мне это тоже помогло: будучи не обделён здоровым самолюбием, я не мог позволить, чтобы монарх разбирался в делах государства и имел знаний меньше, чем его советник. Это было бы... ну, уж точно не элементом идеального государства. И потому мне пришлось удвоить рвение в изучении всего относящегося к государственному управлению.

Также новый формат работы, в котором проверке подвергалось всё и вся, помог мне вспомнить опыт старого мира и использовать его для выявления и устранения некоторых неочевидных проблем. Например, поистине гениальным для моего уровня решением стало введение должностных инструкций для чиновников, в которых чётко определена компетенция каждой должности. А после того, как через несколько дней мне принесли на заверение несколько ящиков этих инструкций, последовало и следующее, столь же гениальное решение о создании министерства юстиции, благо-

получно забытого ранее. По инициативе же лично Оры были учреждены выборные совещательно-контрольные органы при градоначальниках.

Так время и шло. Будучи единственными людьми в княжестве, знающими, кто мы есть на самом деле, мы с Орой познавали теорию и практику социальных технологий. Однако через некоторое время моего внимание потребовало очередное уникальное в своём роде событие. Началось всё с челобитной.

* * *

В Тронный зал вошли двое мужчин. Первый – командующий армией Марсин Антон Дмитриевич, среднего роста и крепкого телосложения. Мне он напоминал викинга: рыжие волосы, небольшие, но живые горящие глаза под густыми бровями, пышные усы, переходящие в бороду. Насколько он представлял своё место в мире – а я постарался, чтобы ему, как человеку из высших властных кругов, было что вспомнить, – сидеть в штабе он ненавидел, предпочитая наблюдать битвы вживую.

Второй выглядел практически противоположностью ему. Горнев Андрей Святославович, командующий гвардией, двигался плавно, но быстро, держась гордо и прямо во весь немалый рост. Его русые с проглядывающей сединой волосы тоже были подстрижены достаточно коротко, но нисколько

не по-военному. Он олицетворял собой силу и достоинство гвардии так же, как Марсин – армии.

Не дойдя до трона двадцати шагов, они поклонились и застыли в этом положении, чуть приподняв головы, ожидая приказа приблизиться.

– Рад, что вы так быстро. Антон Дмитриевич, что вы знаете о недавних событиях на северных территориях?

Знал он столько же, сколько и я. В одной деревне, стоящей почти у Вечнозеленых лесов, то есть на самой границе, недели две назад начались пропажи скота. Сперва заснувший пастух потерял корову. Через день пропали ещё две животные, на этот раз вместе с пастухом. Деревня насторожилась, следить за стадом на выпасе начали отправлять мужиков группами не менее чем в пять человек с вилами наготове. Однако и теперь разбой не прекратился: раз в два-три дня похитители приходили ночью, разбирали крышу какого-нибудь из сараев и вытаскивали коров через верх – что было совсем уж странно. Армия, выполнявшая в том числе функции местной дружины, всё это время искала преступников, но не смогла найти ни одной сколько-нибудь значимой улики. Просто – ничего. Тогда отчаявшиеся жители деревни решили обратиться наверх.

– Какие есть мысли по этой ситуации? – поинтересовался я. – Как-то странно выглядит.

– Дружина начала работу после второй кражи, когда люди обратились за помощью, – ответил Марсин, – Всё сделали

как надо, но пока никаких зацепок обнаружить не удалось. Единственное, что можно сказать с уверенностью, местные к кражам не причастны.

– Маловато, – я задумчиво почесал щёку, – надо всё-таки разобраться, что там происходит, раз люди аж до столицы дошли. Андрей Святославович, может, у вас есть идеи?

Горнев пожал плечами:

– Действует хорошо организованная группа, но остаются непонятными их цели. Хищения для пропитания? После второго эпизода гораздо проще было бы перейти к другому поселению, где скот по-прежнему выпускают на пастбище. Возможно, похитители привязаны к конкретной местности и не имеют возможности ходить далеко. Помимо усиления охраны деревни необходимо провести розыскные мероприятия в близлежащем лесу.

– Лес обыскивали, – кивнул Марсин, – там тоже пусто.

– Но это звучит более обнадеживающе, – заметил я. Добавил, размышляя: – Хотя, если это диверсанты, откуда они могли взяться в такие короткие сроки?..

– Разрешите взять дело под свой контроль? – командарм решил хоть и запоздалой, но инициативой загладить неудачу. Однако у меня появились другие мысли на этот счёт.

– Пожалуй, нет. Туда поеду я сам. – Взмахом руки оборвав собиравшихся было возразить главкомов, я продолжил: – Андрей Святославович, организуйте сопроводительный отряд. Не знаю, что может поджидать нас там, так что прими-

те все возможные меры. На этом всё. Отправляемся сегодня вечером.

* * *

– Тебе что, давит? Какая разница, кто поедет, а кто нет?

– Во дворце должен кто-то остаться, – в который раз возразил я, заканчивая подбирать себе одежду – путём трансформации уже надетой. Так было быстрее, да и Ору выпроводить из комнаты хоть на несколько минут не представлялось реальным. – Мало ли, случится что.

– Типа здесь остаться некому? Министры, секретари! Полный дом бюрократов!

– Вот именно, бюрократов! Кому-то надо за ними присматривать.

– Да не хочу я ни за кем присматривать! Ты едешь отдыхать, и я тоже хочу!

Я стиснул зубы, сдерживая раздражение. Если в начале разговора можно было отшучиваться, то теперь инферналка, не желавшая слушать ничего поперёк своей линии, вызывала натуральную злость.

– Это не отдых. Там происходит что-то непонятное и в этом надо разобраться. Это может быть опас...

– Я еду, и разговор закрыт, – заявила Ора.

– Нет. Я тебе запрещаю.

– Засунь себе свои запреты, командир нашёлся!

– Ты находишься на должности и имеешь определённые обязанности. Как советник, ты должна остаться и поддерживать порядок в столице!

– Я никому ничего не должна!

– Ну так сложи полномочия, и дело с концом! – рассвирепел я, окончательно устав от спора. – Почему я делаю всё необходимое, не думая о том, нравится мне это или нет? Если ты собиралась ходить по дворцу и давать всем ценные...

Зарывав, инферналка выбежала из комнаты, не забыв напоследок как следует хлопнуть дверью. Я тоже со злостью ударил в дверцу платяного шкафа, сбрасывая напряжение.

Что-то странное с ней творится. Сам по себе скандал проблема небольшая – но по какому поводу! На несколько дней на Оре замыкались все управленческие цепочки, она становилась вторым человеком в государстве, совершенно официально, без хитростей. А она, видите ли, недовольна этим, потому как бегать по лесам и полям за любителями стрёмных перфомансов ей нравится больше. Может, она действительно предрасположена к такому формату работы, в отличие от аппаратных дел, но посылать её на первое же нестандартное задание не вариант. Пусть, во-первых, привыкнет к непосредственным обязанностям, прежде чем переходить ко всему остальному. А во-вторых, усвоит мысль, что последнее решение в вопросах о том, кому здесь чем заниматься, остаётся за мной. Иначе так, как получилось сейчас, станет нормой.

Ещё немного поворчав мысленно, я переключился на приготовления. На предстоящее мероприятие следовало взять боевое снаряжение, на данный момент включавшее в себя кольчугу и меч. Не бог весть что, но для остального есть охрана, не говоря уже об условности моих навыков фехтования.

Когда я появился на взлётной площадке, один из гвардейцев, следивший за лестницей, рывкнул:

– Князь!

Весь отряд, до этого стоявший свободно и общавшийся между собой, в секунду построился двумя рядами по десять человек. Поднявшись на площадку, я встал перед строем и оглядел бойцов в чёрных кафтанах с сиреневыми элементами.

Личная гвардия, элита из элит. Насколько обычные гвардейцы превосходили армейцев, настолько же личная гвардия должна была превосходить их самих. По силе, по ловкости – по всем параметрам. Кроме разума, чтоб не чувствовать себя совсем уж ничтожеством рядом с ними.

Единственным их офицером был верховный главнокомандующий.

– Все готовы? Хорошо. Тогда сейчас делаем вам транспорт и отправляемся.

* * *

Личная гвардия, как я себе её представлял, – огромная и при этом особая ответственность. Это не армия, последнее средство в отстаивании интересов Родины, у которой жизнь складывается из боевых столкновений и подготовки к ним. Не элитные гвардейские отряды, призванные затыкать самые крупные дыры и решать те задачи, с которыми никто не смог справиться до них. Это голос и рука царя, так же как сам царь – голос и рука всего государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.